

Акын Сараев

Библиотекарь

<https://litres.ru/74410184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Библиотекарь Корнев из Алматы умеет сохранять книги, документы и чужую память. Постепенно забота о сохранении превращается в право решать, что должно существовать — и кому оно должно принадлежать.

Роман о памяти, присвоении и человеку, который хотел уберечь прошлое от неминуемого исчезновения.

Содержание

Глава 1. Диоген	4
Глава 2. Орфей	10
Глава 3. Карфаген	18
Глава 4. Палимпсест	27
Глава 5. Герострат	35
Глава 6. Ишкар Закику	45
Глава 7. Энмеркар	51
Глава 8. Глиняный конверт	62
Глава 9. Адапа	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Акын Сараев

Библиотекарь

Глава 1. Диоген

Штемпель гулко опустился на девятую страницу книги, оставляя фиолетовый отпечаток поверх библиотечного знака. Корнев стоял у края стола в подсобке, вытирая ветошью подтёки с резиновой оснастки. Рядом Геннадий затягивал узлы на высоких стопках массовой прозы. Жесткая нить с хрустом врезалась в картонные переплёты, фиксируя блоки. Бесконечность этой монотонной работы выматывала не меньше самого веса: каждая стопка требовала одинаковых, выверенных движений, от которых к вечеру немели плечи. Рузалия сверяла номера с развёрнутым актом и отмечала каждую позицию карандашом.

За день через подсобку прошли сотни томов: многотомные собрания сочинений и тонкие брошюры прошлых десятилетий. Корнев перехватывал очередную готовую пачку, тяжело отрывал её от стола — вес каждый раз оказывался плотным, тянущим руки вниз, — и нёс в вестибюль. Там вдоль стен выстроились столы для воскресной раздачи. Шпагат оставлял красные полосы на его ладонях. Сухая бумажная пыль оседала в горле, и Корнев то и дело ходил к умы-

вальнику в углу пить воду прямо из-под крана. Уложив последнюю стопку, он выпрямил спину, чувствуя напряжение в пояснице, и вытер лоб рукавом рубашки.

Геннадий прижал к двери лист бумаги и разгладил его ребром ладони. Там от руки числилось объявление о бесплатной раздаче списанной литературы. Рузалия повернула ключ в замке шкафа, убрала акты и выключила свет.

Освобождение хранилища отмечали в кафе в нескольких кварталах от библиотеки. На столе между тарелками с пловом стояли бутылка водки и нетронутый торт. Рузалия посмотрела на загоревшийся экран телефона. Официант упаковал кусок торта в пластиковый контейнер, Рузалия опустила контейнер в сумку и вышла на улицу к приехавшему сыну. Геннадий заказал ещё одну бутылку, а двое молодых сотрудников предложили продолжить вечер через дорогу.

Геннадий, Корнев и двое сотрудников абонемента спустились в подвальный бар с караоке. Рядом выкрикивали в фoniaщий микрофон слова эстрадной песни. Один из молодых сказал: «Хорошо, что фонды от макулатуры спасли». Корнев поднял глаза. Геннадий встретился с ним взглядом, размял ноющее плечо, поднял стакан и кивнул молодым. Корнев сидел с краю и молча опустошал рюмки.

К полуночи свет в подвале стал казаться Корневу слишком ярким, музыка — тяжёлой. Корнев расплатился за всех у стойки, остальные перевели ему свои доли. Они забрали куртки и вышли на улицу.

На улице был не то лёгкий туман, не то тяжёлый смог. Геннадий полез в шуршащий пакет из «Магнума» и извлёк литровую банку домашних солений. Мутный рассол с чесноком плеснулся о стекло. Следом он достал из глубокого кармана куртки отдельный тонкий пакет. Он просунул тяжёлую банку внутрь, стянул края полиэтилена и завязал крепкий двойной узел прямо вокруг горлышка, проверил надёжность петли, и молча протянул Корневу:

— Только Рузалии сразу отдай, а то опять всё молодёжь съест.

Корнев принял банку двумя руками. Стекло отдавало холодом в ладони. Молодёжь направилась вверх по улице, Геннадий коротко кивнул и пошёл вниз по речке, а Корнев остался на тротуаре.

Последний троллейбус ушёл. Один из молодых предлагал вызвать такси на двоих, но Корнев отказался: до его дома через парк было двадцать минут пешком. Он пошёл по пустой аллее. Дорога давалась неожиданно тяжело. Банка оттягивала руки, и он перекладывал её из правой ладони в левую. Мокрые дубовые листья липли к подошвам ботинок.

В глубине парка земля под ногами накренилась. По спине под рубашкой проступил холодный пот. В висках застучало, колени остекленели. Он свернул на газон, чтобы не упасть на дорожке. Пять минут переждать, и он дойдёт.

Он поставил банку на мокрую траву между ботинками. Снял кожанку, свернул её в валик и лёг на бок, подложив

куртку под щёку. Роса быстро пропитала одежду.

Солнце било прямо в лицо, когда Корнев проснулся. Брюки и свитер отсырели, мышцы болезненно затекли. От земли пахло прелой листвой и глиной.

Из-за кустов выбежал крупный пёс. Он обнюхал банку, шумно втягивая носом воздух, подошёл вплотную и влажно, тяжело лизнул Корнева в небритую щёку. Корнев поморщился и неловко замахнулся отсыревшим рукавом свитера:

— Пошел... Пошел отсюда.

Пёс отступил на шаг, потоптался на мокрой траве и снова подался вперёд. Он заслонил солнце и лизнул Корнева второй раз. Корнев посмотрел на морду над собой и засмеялся.

— Отойди, ты загораживаешь мне солнце.

Пёс покрутил ушами, прислушиваясь. В глубине парковой аллеи раздался резкий оклик невидимого хозяина:

— Лёва! Лёва, ко мне!

Пёс побежал на зов. Корнев перевернулся на спину, щурясь от снова ударившего в лицо света.

Корнев успел дойти до дома незадолго до раздачи. Он умылся, переоделся в сухие брюки и свежую рубашку и пришёл в библиотеку за полчаса до открытия дверей — бледный, с затёкшей шеей. Банка осталась целой, хотя дно пакета намокло от рассола и пахло чесноком. В подсобке Рузалия накрывала общий стол. Она посмотрела на лицо Корнева, затем на пакет в его руках:

— Ну хоть банку донёс.

Геннадий достал чайный пакетик из кармана, оглянулся и спросил:

— Рассол-то не вытек?

Корнев поставил банку на стол. Рузалия сняла мокрый пакет, с громким хлопком открутила тугую жестяную крышку, запустила пальцы в рассол, достала несколько сморщенных огурцов и нарезала их крупными кружочками прямо на расстеленной газете. Геннадий пододвинул нарезанный ржаной хлеб, и они стали молча есть, подцепляя холодные огурцы к хлебу пальцами.

В полдень двери открыли. Очередь двигалась вдоль сдвинутых столов. Одни вчитывались в аннотации и искали конкретных авторов; другие, не раскрывая книг, сгребали стопки в сумки; третьи открывали тома наугад, пролистывали несколько страниц и откладывали выбранное. Корнев стоял у центральной колонны: выдавал пустые пакеты, сдвигал пачки журналов, собирал упавшие брошюры и приносил новые стопки из коридора. Голова трещала от каждого резкого звука.

За столом в подсобке доедали молодые. Банку с остатками мутного рассола отставили на подоконник.

У торцевого стеллажа остановились двое подвыпивших постоянных посетителей. Один, прижимая к груди два тома, кивнул на одинокую книгу в редющей стопке:

— Видишь, эту никто не берёт. Она от этого хуже стала? Второй мужчина с пустым рюкзаком на плече шагнул бли-

же. Он взял книгу, стукнул обрезом о ладонь и пролистал.

— Не стала. Так хорошая и сгниёт.

— Значит, дело не в книге.

Мужчина положил её точно туда, откуда взял.

— А сгниёт книга.

Сзади спросили:

— Мужчины, брать будете?

Они сдвинулись к торцу стеллажа, пропуская очередь. Корнев подтянул к себе поддон. На шнурке держалась сухая травинка. Он снял её двумя пальцами и уронил под стол.

Глава 2. Орфей

По галерее второго этажа Корнев катил перед собой трёхъярусную металлическую тележку. На верхней и средней полках лежали книги, отобранные для плановой проверки фонда. Между страницами выступали цветные закладки с карандашными пометками.

Комиссия заняла край длинной деревянной стойки обслуживания. Работали двое: новенькая сверяла электронные карточки по монитору, а Геннадий Викторович сверялся с реестрами и отмечал совпадения в ведомости.

Книги подносили партиями и проверяли по трём источникам учёта — электронному каталогу, инвентарной книге и топографическому указателю, — после чего передавали на осмотр комиссии. Коллега за монитором набирала шестизначный номер с бумажного ярлыка и называла дату последнего движения книги; Корнев находил строку в черновом листе, ставил отметку и сдвигал просмотренный том на нижний ярус тележки. На верхней полке оставались издания с расхождениями в учётных карточках и повреждёнными корешками.

К стойке подошла постоянная посетительница. Она положила на пол пакет, развернула тетрадь на весу и положила её перед Корневым.

— Мне казалось, она стояла на третьем стеллаже у окна,

— сказала она. — Там теперь только новые альбомы.

— Фонд переставлен две недели назад, — ответил Корнев.

— Шифр 67.5, вот здесь записано, — посетительница повернула тетрадь. — Страницы со второй по сорок четвёртую, конструирование реглана и реглан-погона. Новую книгу я смотрела на той неделе, там этого чертежа нет.

Посетительница прижала пальцем нижний край страницы.

На верхней полке тележки среди подготовленных к выбытию книг лежало крупноформатное руководство по конструированию и ремонту одежды 1978 года издания. Тёмно-зелёный коленкоровый переплёт потемнел на углах. У книги числился дублет в основном хранении и она не выходила на дом с 2008 года.

Корнев снял руководство с тележки и положил на край стойки. Из зала он достал переиздание и развернул оба тома рядом на страницах оглавления. В новом издании раздел конструирования сложных рукавов отсутствовал: текст после вводной части начинался сразу со стандартного втачного кроя.

Корнев перелистал старое руководство до тридцатой страницы, где находилась сложенная вчетверо чертёжная схема с разметкой проймы и выкройкой реглан-погона. Он развернул её плашмя на стойке, разгладил край ладонью и сверил номера деталей с записями посетительницы.

Он взял черновой лист отбора и нашёл строку с инвентарным номером старого руководства. В графе предполагаемой судьбы он вывел: «оставить: издания содержательно не идентичны». Член комиссии перечеркнул номер в проекте акта выбытия и поставил штамп сохранения фонда. Корнев переложил руководство на отдельную тележку.

На средней полке стоял тонкий сборник рассказов на казахском языке «Қарасу дәптері», выпущенный районной типографией в 1993 году. Серую бумажную обложку вдоль корешка укрепляла полоска выцветшей ткани, но сам книжный блок оставался плотным и чистым, без заломов и следов пальцев — дешёвая серая бумага даже не успела пожелтеть на обресе. На обороте титула не было ни ISBN, ни названия издательства — только номер заказа, фамилия составителя и строка: «Тираж 100 дана». В электронном каталоге запись отсутствовала; карточка учёта не содержала сведений о выдаче.

Корнев открыл титульный лист и проверил номер по рабочему списку. Положил книгу обратно на среднюю полку и в черновом листе напротив её инвентарного номера вывел: «передано на утилизацию».

Комиссия перешла к утверждению сводного акта. Председатель разложил перед собой печатные листы и стал сверять итоговые количества с ведомостью.

— Позиция двадцать восемь, справочник химика, — произнесла секретарь комиссии, не поднимая головы от распе-

чатки. — В топографическом указателе значится два экземпляра.

— Второй утрачен при заливии фондов в девяносто восьмом году, — ответил Корнев. — Отметка об утрате внесена в акт номер семь того же года.

Председатель сверил цифры и продиктовал секретарю формулировку для шапки акта. Секретарь сдвинула к Корневу стопку бумаг для визирования. Он отделил черновой лист отбора и подтянул его к себе.

На четырнадцатой строке синела резолюция: «оставить: издания содержательно не идентичны». Три строками ниже, напротив графы «передано на утилизацию», стояла его собственная подпись. Корнев завёл край бумаги под усы скоросшивателя, проколол лист и закрыл папку.

Перед отправкой партии на уничтожение лаборант установил на штативе цифровой фотоаппарат. Каждый том по очереди укладывали под объектив на белую подложку, затем равняли обрез по разметке. В кадр попал титульный лист сборника рассказов 1993 года: шестизначный инвентарный номер, фиолетовый штампель и укрепляющая корешок полоска выцветшей ткани. Лаборант нажал спуск. Щёлк. Том сдвинули в стопку погашенных книг.

В этот день Корнев задержался допоздна. Он убедился, что в рабочей зоне никого нет, снял со стены в дежурном кабинете ключ от помещения временного хранения, спустился по бетонной лестнице, отпёр замок металлической двери без

вывески и прикрыл створку за собой.

Помещение освещалось единственной тусклой лампой. В воздухе стоял густой запах слежавшейся бумаги, типографского клея и подвальной сырости. Здесь слова измерялись килограммами. Вдоль кирпичных стен высились штабеля макулатуры; каждая связка была туго перетянута джутовой бечёвкой, под узлы подсунуты ярлыки с датами партий и номерами актов.

Корнев прошёл вдоль первого ряда. Связку с сегодняшней датой он нашёл в третьем штабеле от двери, придавленную сверху четырьмя тяжёлыми пачками журнальных подшивок. Он снял и переставил их на свободный участок цементного пола одну за другой. Бечёвка глубоко врезалась в обложки крайних книг; Корнев просунул под неё пальцы, с усилием оттянул и извлёк из середины стопки сборник рассказов. После этого он так же размеренно, поднимая вес от колен, вернул все четыре пачки обратно на штабель, укладывая их ровно по краям.

Он откинул клапан портфеля, уложил сборник между рабочих папок и защёлкнул замок. Уходя, он запер дверь на два оборота, поднялся на этаж, повесил ключ на место и направился к служебному выходу.

Дома Корнев запер дверь на два оборота, вымыл руки на кухне и прошёл в малую комнату.

Вдоль стен стояли стеллажи с бельём, банками и коробками с полынью. Проход перекрывала сушиллка с бельём. Кор-

нев сдвинул её к стене и оттянул от шкафа пылесос.

На боковине шкафа висел термогигрометр. Корнев посветил карманным фонариком: девятнадцать и четыре десятых градуса, сорок четыре процента влажности. Он шагнул к окну за тёмной шторой и провёл ладонью по стыку рам.

В углу за рабочим столом стоял узкий пенал под навесным замком. Он достал из стола блокнот, внёс дату и записал показания термогигрометра в столбик, убрал блокнот обратно. Корнев отпер замок пенала, посветил на бумажный свёрток на полке, проверяя швы упаковки, и снова запер дверцу.

С верхнего стеллажа он снял архивную коробку с расходными материалами, достал перчатки, линейку и костяной гладилкой разгладил на столе лист обёрточной бумаги.

Из шкафа он вытянул бокс с тушевой пометкой РОЭ-ТМ-1993 и перенёс на стол.

Включив настольную лампу, он открыл на ноутбуке цифровую карту и разложил бумажное досье: фотографии инвентарных карточек и оттисков ликвидированных фондов.

Корнев надел перчатки, извлёк из бокса сборник и положил под свет лампы рядом со снимком штемпеля. Стальной линейкой он измерил ширину овала и высоту букв фиолетового оттиска на титульном листе. Наклонив страницу к свету, сверил выщербину в рамке и толщину краски.

В цифровой карте напротив кода РОЭ-ТМ-1993 он внёс новую строку:

2017-10-06 | РОЭ-ТМ-1993 | ф-93 | экз-3: инв.б/н, штамп

ф.2, ут-вс, физ.утр.2011; лок. А-12 (эксп.неподтв.), рас-
х.кат.09/22

На карточке провенанса из досье он записал ручкой: «Физическое присутствие подтверждено; сверка с оттиском фиксации 1998 года выполнена».

Он убрал досье, обернул сборник в бумагу и вернул бокс в глубину шкафа за упаковочный картон. Запер дверцы, поставил перед ними пылесос и сдвинул сушилку обратно поперёк прохода, перекрыв доступ к столу.

В выходной Корнев ходил вдоль книжного ряда Никольского рынка и остановился у закутка посередине. Мужчина в поношенной куртке расставлял книги по стопкам на клеёнке. Корнев на секунду задержал взгляд на его знакомом лице. Продавец брал книги по одной, выравнивал нижний обреза ладонь и ставил на место; потом протирал ветошью коленкорные обложки и стирал канцелярским ластиком старые ценники с форзацев. На краю ближней стопки лежал зелёный том Юрия Домбровского девяностого года издания. Заголовок на переплёте сохранил типографскую опечатку: «1. Хранитель древности. 2. Факультет ненужных вещей». Вдоль корешка тянулась глубокая трещина с разрывом картона, а на девятой странице, Корнев был в этом абсолютно уверен, лиловел прямоугольник библиотечного штампа, перечёркнутый косой полосой погашения.

Корнев протянул руку, взял этот том и перевернул его в пальцах. Он провёл подушечкой большого пальца по повре-

ждённому переплёту, затем быстро перелистал первые страницы чтобы убедиться в своей правоте.

— Сколько за неё?

Продавец взглянул на титульный лист, отложил ластик и ответил:

— Две тысячи.

Корнев положил том обратно на стопку и отступил к соседнему развалу.

Он перебирал тонкие брошюры в раскрытой коробке, когда к первой точке подошёл молодой человек в тёмном пальто поверх водолазки. Густые чёрные волосы падали на тонкую оправу очков. Юноша сразу сдвинул несколько верхних томов, взял книгу с трещиной на корешке и раскрыл её на обороте титула.

— По Домбровскому есть ещё что-нибудь?

Продавец качнул головой, продолжая сортировку:

— «Факультет ненужных вещей» ещё есть в карманном формате.

Юноша отказался, достал деньги, отсчитал две купюры и протянул продавцу. Тот сложил их и убрал в нагрудный карман куртки. Смуглые руки покупателя бережно убрали том в узкий кожаный портфель. Юноша повернулся и пошёл к выходу. Продавец передвинул оставшиеся книги на освободившееся место, стёр очередную карандашную пометку и отложил ластик в сторону. Корнев пошёл домой, так ничего и не выбрав.

Глава 3. Карфаген

Двое специалистов проектной группы зашли в читальный зал с лазерной рулеткой и планшетом. Один прижал рулетку к стене, вторая занесла число в схему. Под третьим от двери окном она сфотографировала лужу и поставила у радиатора крестик: «под замену».

Корнев со строителем отодвинули каталожный шкаф от перегородки. За ним открылись старые обои и бакелитовая розетка с треснувшей крышкой. Девушка с планшетом сделала снимок и добавила новый значок в электрический слой здания. Строитель выругался и пошёл в машину за индикаторной отвёрткой.

В июле в абонемент принесли коробки, скотч и маркеры. Корнев обмотал шнур обогревателя вокруг секций и закрепил штепсель скотчем с буквой «К».

Рузалия складывала в коробку календарь, дырокол и папки. Подрядчик заносил их в опись.

— Роза — это полное имя?

— «Имя Розы» — Рузалия, — автоматически выпалил кто-то из-за соседнего стола старую библиотечную шутку.

— Рузалия Маратовна? — уточнил парень, сверившись с табелем. Она молча кивнула.

Подрядчик исправил строку. Рузалия написала на коробке номер рабочей зоны.

Шкафы с читательскими документами выставили в коридор. Из полуоткрытых ящиков выезжали формуляры, листы выдачи и заявки. Они вываливались на пол от шагов.

Рузалия подняла с пола карточки с адресами читателей и вернула их в ящик. Рабочий задел его плечом, заявки рассыпались. Она собрала листы и выровняла стопку о шкаф.

Подошёл бригадир и протянул ручку:

— Акт демонтажа. Апай, вы материально ответственная — подпишите здесь. К четырём часам надо освободить коридор.

Рузалия опустила линейку на край столешницы и посмотрела на открытые ящики.

— Кто отвечает за бумаги после выноса?

— Нам сказали стену под штукатурку подготовить, — ответил бригадир. — Бумаги из ящиков — на свалку. Сроки горят.

— Покажите письменно, куда идут документы. Покажите распоряжение и порядок выноса.

Бригадир откинул лист на планшете.

— Какой порядок? Моё дело вывезти накопители, ваше — освободить зону.

— Накопители — это жёсткие диски в серверах, — сказала Рузалия сквозь зубы. — Здесь лежат формуляры, заявки и акты выдачи. Это документы учёта.

Бригадир вогнал ручку в колпачок:

— Если не подпишете акт — я фиксирую простой по вине

библиотеки.

— Фиксируйте, — ответила Рузалия. — Вынос документации без оснований и гарантий сохранности недопустим.

Рузалия вынула из случайной полки афишу лектория, перевернула её, и маркером составила порядок. Действующие формуляры велела убрать под замок. Заявки перенесла на тележку, рядом рабочие складывали заказанные книги. На поручень она наклеила полосу скотча: «Текущие заявки. Не трогать». Просроченные связки отложила до акта комиссии, остальные карточки сложила в коробку: «Разобрать. Рузалия М. До 15 декабря».

Бригадир сфотографировал строки на обороте афиши. Он оглядел ящики, затем указал на дубовый стол Рузалии: — Ваш стол не мешает прокладке кабеля. Если не задерживаете вывоз мусора, мы его не трогаем.

— Разбирайте, если хотите, — ответила Рузалия. — Мне нужен подписанный порядок передачи и хранения формуляров.

Бригадир вышел звонить в дирекцию.

Она перенесла журналы учёта и телефон на общую стойку в проходе.

Через полчаса секретарь дирекции принесла отпечатанный порядок и приказ. Рузалия и бригадир подписали каждый свою строку. Приказ назначал её ответственной за разбор спорного массива; в график она вписала себе две дополнительные субботы.

На следующий день библиотека снова принимала посетителей. К общей стойке подошла пожилая читательница в драповом пальто, положила на стол билет и достала из кармана сложенную записку.

— Я заказывала неделю назад. Роман в двух томах, крупным шрифтом. Мне обещали, что книга будет здесь к открытию.

Рузалия ввела в каталог фамилию читательницы и шифр из записки. Компьютер не нашёл заказа.

— Подождите минуту.

На тележке под скотчем «Текущие заявки. Не трогать» лежали листки и подобранные к ним книги. Рузалия провела пальцем по заявкам, уложенным по алфавиту, нашла карточку с пометкой «Крупный шрифт» и сверила номер со стеллажным вкладышем. На нижнем ярусе стоял двухтомник в тканевом переплёте.

Рузалия вернулась к стойке, поставила на контрольных листках дату возврата, вложила заявку в кармашек первого тома и подвинула книги читательнице. Та убрала двухтомник в сумку и застегнула молнию.

Рузалия положила формуляр в ящик текущего дня и обратилась к следующему человеку:

— Ваш читательский билет, пожалуйста.

Позже, когда электронный каталог уже работал, новенькая из комиссии подошла к столу Корнева с раскрытым ноутбуком в одной руке и стопкой брошюр — в другой.

— Айгерим, — сказала она, поставив ноутбук на свободный угол. — Мы тогда так и не познакомились. Я работаю в отделе цифровизации.

Корнев дописал строку в журнале и положил ручку.

— Михаил.

— Из комплектования принесли массив без данных. Мне нужно формализовать идентификацию для каталога. Если на обложке год не указан, как понять, какого года книга?

Корнев закрыл журнал, выровнял его край о настольный прибор и снял резинку с верхней брошюры.

— Сначала фиксируется способ воспроизведения текста. Высокая печать часто оставляет на бумаге лёгкий натиск от литер, но одного признака мало.

Он перевернул первую страницу и провёл пальцем по обороту листа.

— Натиск лучше виден с изнанки или в косом свете. У ротапринтного офсета его обычно нет. Под лупой смотрим, как лежит краска, не плывут ли контуры, не забиты ли мелкие просветы. По совокупности признаков выбираем, где искать дальше. Ведомственные институты часто печатали на ротапринте малыми тиражами; год мог стоять внутри или не стоять вовсе.

Айгерим набрала первую строку.

— А если натиска нет и мы думаем что это ротапринт, где искать год?

Корнев поднялся, снял со стеллажа переплетённую копию

журнала заказов и раскрыл её рядом с брошюрой.

— Ищите выпускную строку — в конце блока или на обороте титула. Здесь сохранилось сокращение типографии и номер заказа. Номер оживает только в журнале своей типографии.

Он указал карандашом на строку под концевой линейкой.

— Заказ четыре тысячи двести восемь, Алма-Атинская типография номер один. Вот её журнал: четыре тысячи двести седьмой, четыре тысячи двести восьмой, четыре тысячи двести девятый. Этот выполнен двадцать восьмого сентября семьдесят восьмого.

— А если номер стёрт или последняя страница оторвана?

Корнев выдвинул верхний ящик и достал тонкий сборник в синей обложке.

— Ищут помету сигнального экземпляра — одного из первых готовых экземпляров, отправленных на контроль исполнения. Но штампель часто выцветает или отпечатывается пятном. На мой вкус, быстрее сравнить по опечаткам.

Он раскрыл сборник и подвинул его к ноутбуку.

— Если форму повреждали и восстанавливали с ошибкой, она оставалась в остальной части тиража. Год даёт датированный экземпляр, ошибка связывает с ним обрубок.

Корнев положил лупу на сорок первую страницу и провёл карандашом под строкой.

— Смотрите. Этот экземпляр датирован семьдесят вторым. Девятая строка сверху: вместо «систематический» на-

брано «систематический». Пропущена «ч». В карточке фонда этот вариант отмечен только в одном заводе. Если в обрубке совпадают страница, переносы и эта ошибка, перед нами тот же набор, даже если начала и конца блока нет.

Айгерим наклонилась к лупе и внесла запись.

— А что делать если опечаток нет?

Корнев прижал край брошюры стальной линейкой и повернул её корешком к Айгерим.

— Смотрите на скрепление блока. Скоба, нить, шаг проколов показывают, как памятку собирали и не перешивали ли позднее. Неровные отдельно пробитые станции могут указывать на ручную работу. По скреплению сначала устанавливают сборку и ремонт.

— А если ничего не сошлось? Что вносить в каталог, когда признаков нет и издание не идентифицировано?

Корнев положил карандаш на край сукна.

— Предварительная запись, без полного описания. В неё вносят то, что есть на экземпляре. Выходные данные уточняют по датированному дублету, источник поступления — по накладным и актам. Историю самого экземпляра оставляют в отдельной графе: до выяснения провенанса.

Он подтянул к себе синий сборник и постучал корешком по столу.

— Брошюру Института почвоведения описали, но накладную за восемьдесят шестой так и не нашли. Источник поступления не установлен, графа провенанса открыта.

Айгерим сохранила запись, опустила крышку ноутбука и собрала брошюры.

— Спасибо. Попробую пропустить сегодняшнюю партию через эти фильтры.

— Подождите, это не всё, — сказал Корнев.

Айгерим остановилась со стопкой в руках.

Корнев говорил быстрее обычного. Он взял верхнюю брошюру из стопки и поднял страницу к настольной лампе, держа её за верхний край.

— Бывают дополнительные заводы со старой выпускной строкой. Обложка та же, титул тот же, номер тот же, а набор уже исправлен.

Он наклонил страницу, чтобы свет прошёл насквозь.

— Бумага менялась между марками и партиями. На просвет видны структура сетки, направление волокон, водяной знак. Если один лист отличается от остального блока, это может быть другая партия, клейка или поздняя замена. Тогда сверяем фальцовку, шитьё, краску и датированный дублет. При несовпадении запись остаётся предварительной.

Он опустил страницу на стол и закрыл справочник. Ноутбук Айгерим не открывала.

— Спасибо, — сказала она и ушла к перегородкам отдела обработки.

Корнев убрал сборник в ящик, достал лоток с карточками и взялся за ручку.

В инструкции по первичной обработке Айгерим сохрани-

ла четыре пункта:

1. Зафиксировать наблюдаемые признаки: натиск, краска, пагинация, выпускная строка
2. Номер заказа сверять по журналу установленной типографии
3. Тираж сверять с датированным дублетом: набор, пагинация, варианты места
4. Бумага и скрепление — вспомогательные признаки; при расхождении запись оставлять предварительной

Через час Айгерим вернулась к столу без ноутбука и брошюр.

— Двенадцать из слепой партии обработала. Две оставила предварительными — признаки расходятся. Брошюру без последнего листа сверила с датированным дублетом: страница, переносы и опечатка совпали. Восемьдесят второй. Из обработки ни одной записи не вернули.

Корнев кивнул, пододвинул следующий лоток и взялся за ручку. Он выводил инвентарные номера быстро, с сильным равномерным нажимом, и перекладывал заполненные карточки в готовую стопку одну за другой.

Глава 4. Палимпсест

У песочницы сидел на корточках соседский мальчик и чертил палкой по земле.

— А с кем я теперь буду играть? — спросил Миша.

— С Азаматом, с Сашей Корейцем, — сказал мальчик, не поднимая головы.

— А вдруг они тоже уедут.

— Азамат точно не уедет.

Миша переступил край светлого прямоугольника, оставшегося на полу от дверного коврика. На паркете вокруг прямоугольника был серый налёт, а доски внутри сохранили жёлтый лак и гладкие стыки. С окон сняли шторы, и свет падал на паркет прямо и жёстко.

В зале было пыльно. Сервант стоял с раздвинутыми стеклянными дверцами; на средних полках, где раньше стояли синие фужеры с золотыми ободками, осталось лишь несколько круглых следов. Сами фужеры обернули газетой и сложили на обеденном столе.

На углу серванта скотч придерживал квадратный листок из тетради в клетку. На нём синими чернилами стояла фамилия «Каршигин». На кресле у окна висела такая же бумажка с надписью «Ниязовы». На большом диване листок держался на английской булавке, воткнутой в ткань.

Мужчины в коридоре поднимали фанерный шкаф. Они

спорили, пройдёт ли угол через дверной косяк, и двигали дерево по доскам с длинным скрежетом. Мать Вити стояла у подоконника и стягивала коробку бечёвкой. Ногу она упёрла в край картона, бечёвка резала ей пальцы через тряпку.

Витя сидел на корточках в углу у балкона. Взрослые ходили мимо, задевая его лапами курток. Он перебирал коробки из-под обуви, складывал в них деревянные кубики с выжженными буквами и пластмассовый самосвал без задних колёс. Взрослые наклеивали листки с фамилиями, решали, кто унесёт швейную машину и куда поставить круглый стол с резной ножкой. Вите не разрешали трогать тетрадные бумажки и не спрашивали его про кубики или самосвал.

Но про одну вещь отец Вити сказал громко из коридора, не поворачивая головы от чемодана:

— Альбом возьми в руки или отдай, в чемодан не положу.

Это был большой альбом в твёрдом зелёном переплёте. На обложке золотой краской отпечаталась башня с острым шпилем. Внутри держались шесть листов из толстого серого картона. На каждом листе были прозрачные пергаминовые полоски, приклеенные к картону нижним и боковыми краями. За ними держались марки.

Витя поднялся с корточек и подошёл к Мише. Он держал альбом обеими руками за края, как держат поднос с горячей чашкой. Альбом весил ощутимо для своего размера, переплёт пружинил под пальцами.

Витя протянул его Мише и сказал:

— Мне это не влезает.

Чемоданы в коридоре уже закрыли и стянули широкими кожаными ремнями, и места для зелёной книжки действительно не оставалось.

Миша взял альбом и прижал переплёт к животу. Выпуклая башня цеплялась за нитки на его рубашке. Картонные страницы пахли сухим клеем и калькой. За прозрачными полосками блестели зубчатые края: там ровными рядами лежали красные корабли, жёлтые бабочки, зелёный паровоз и синий вертолёт над горами.

Миша раскрыл альбом на третьей странице. Там, во втором ряду, была прямоугольная марка с красным парусником на синей воде. У неё были мелкие ровные зубцы, краска на поверхности поблёскивала.

Он зажал марку двумя пальцами за угол и потянул вверх.

— Я только эту возьму, — сказал Миша. — До возвращения.

Отдать весь альбом означало согласиться, что Витя уезжает насовсем. Если же у Миши останется одна марка, у них сохранится уговор, и Витя вернётся, чтобы забрать её.

Пергаминовая полоска на странице держала бумажный край. Один зубец зацепился за её помутневший верх. Миша дёрнул марку сильнее. Раздался сухой треск: тонкая полоска надорвалась от верхнего края вниз. Марка освободилась и осталась в пальцах Миши, но пергамин на картоне отвис рваным язычком.

Витя посмотрел на порванную страницу. Лицо его потемнело. Он сжал кулаки, костяшки пальцев побелели.

— Я тебе весь дал, — сказал он.

Миша протянул альбом с рваной страницей обратно:

— Тогда заberi.

Витя не тронул переплёт руками. Он отступил на шаг к стене, где стояла коробка с кубиками.

— Не надо, — сказал Витя. — Ты его порвал.

Альбом остался у Миши. Они стояли друг против друга у серванта со снятыми дверцами. Витя повернулся спиной и снова стал складывать кубики в коробку из-под обуви. Миша сунул марку в карман шорт, положил альбом на пол, и пошёл к выходу.

На следующее утро Миша пришёл во второй подъезд сразу после завтрака.

Дверь квартиры на втором этаже была заперта. Миша потянул за ручку — замок держал крепко, из щели не пахло больше ни пылью, ни сухой газетой. Никаких звуков изнутри не доносилось. В щель у порога виднелся лишь голый линолеум прихожей: там не осталось ни коробок, ни бечёвы, ни старых ботинок.

Миша спустился на первый этаж к серым почтовым ящикам. На ящике номер четырнадцать под прямоугольной пластинкой из прозрачного пластика лежал бумажный листок. На нём от руки чёрными чернилами стояла фамилия «Краузе».

Миша вынул из кармана шорт марку с красным парусником. Пока она лежала в кармане, её угол помялся, а один зубчик согнулся пополам.

Он расправил марку на ладони. Раз фамилия Вити висела на ящике под прозрачным пластиком, значит, ящик по-прежнему принадлежал его семье. Каждая бумага, упавшая в узкую горизонтальную щель, попадала тем, чья фамилия стояла под пластинкой. Почтальон всегда смотрел на фамилию и опускал письмо внутрь — Миша видел это каждый день.

Он поднёс марку к щели. Марка была лёгкой и не падала сама; он протолкнул её пальцем глубоко внутрь, пока подушечка не упёрлась в холодное железо. Марка упала на дно пустого металлического ящика с сухим щелчком.

Миша вынул палец и провёл ладонью по пластинке с фамилией. Посылка оказалась на месте. Теперь марка лежала внутри и ждала, когда они откроют дверцу.

Через три недели Миша снова зашёл во второй подъезд.

На ящике номер четырнадцать больше не было фамилии «Краузе». Под прозрачной пластинкой белела новая бумажка, на которой шариковой ручкой было написано «Сергеевы».

Женщина из четырнадцатой квартиры открыла ящик своим ключом. Она выгребла оттуда старые рекламные листки, помятую газету и маленький бумажный прямоугольник с зубчатыми краями. Сжав всё это в кулаке, женщина бросила

бумагу в деревянное ведро дворника с опилками.

Миша смотрел, как ведро уплывает к выходу из подъезда.

Вечером мать мыла посуду на кухне. Миша спросил:

— Если фамилия ещё там, письмо считается их?

Мать не повернулась к нему. Она шумела водой в раковине, смывала мыльную пену с тарелок и ответила:

— Иди чисти зубы, Миша, поздно уже.

В декабре Миша положил тетрадь в синей обложке на письменный стол. Уголок обложки загнулся вверх, и он прижал его ладонью, чтобы сгиб разгладился. Лампа под тёмно-зелёным абажуром грела лоб и пальцы. От разворота пахло краской, стружкой и сухим картоном. На столе рядом стоял стаканчик с двумя карандашами и деревянной линейкой.

Он взял фиолетовую ручку с прозрачным корпусом. Стержень был виден насквозь, паста доходила до половины. Миша упёрся локтями в столешницу, высунул кончик языка и вывел на первой строке: «19 декабря».

За окном шёл вечерний снег. Дворник ритмично скрёб широкой лопатой по асфальту. В коридоре стояли его зимние сапоги, на линолеум стекала серая лужа.

Кончик ручки цеплял шершавую бумагу, фиолетовые буквы выходили разной величины. Заглавная «Д» поднялась на две строки вверх, а «в» завалилась набок. Миша нажал сильнее, и шарик на конце стержня оставил на бумаге жирную фиолетовую точку.

Он стал писать про свой день. Утром он ел манную кашу с

тонкими комками и выпил тёплый чай с ржаным сухарём. На кухне закипела кастрюля, и крышка подпрыгивала и звенела. Мама кричала и плакала. Потом она вытерла кухонный стол сырой тряпкой и ушла в спальню. На обед он сам намазал хлеб маслом и посыпал сахаром.

В слове «кастрюля» он написал «у» вместо «ю». Миша посмотрел на строчку, провёл по ней подушечкой пальца, но стирать не стал. Резать бумагу лезвием мама строго запрещала, а резинкой чернила размазывались в грязную кляксу. Он закрутил колпачок на ручке, закрыл тетрадь и положил её на верхнюю полку под стопку школьных учебников.

На следующий день, вечером в пятницу, Миша снова достал синюю тетрадь. Он развернул её на странице с девятнадцатым декабря.

Посередине третьей строки была красная паста. В слове «кастрюля» буква «у» была аккуратно перечёркнута тонкой прямой чертой, а сверху стояла красная «ю» с круглым брюшком. На широких полях против этой строки стояла птичка — привычный мамин значок с длинным правым хвостом, какой она всегда ставила в школьных тетрадях.

Миша провёл пальцем по красной букве. Чернила высохли и не оставили следа на коже. Мама открывала его тетрадь, листала страницы и проверяла, как он пишет. Она увидела ошибку, взяла свою красную ручку и поставила правильную букву.

Миша поднёс страницу ближе к носу. От красной пасты

пахло спиртом и бумагой, как от маминого письменного стола в большой комнате. Порядок в тетради был восстановлен. Строчка стала ровной и понятной. Миша улыбнулся, вывел на следующей строке новую дату — «20 декабря» — и стал писать дальше.

Глава 5. Герострат

Марат Бекенович приходил в библиотеку два раза в неделю на протяжении восьми месяцев, и раскладывал на длинном дубовом столе карту арычных сетей Алматы поверх старых газетных подшивок.

Теперь газетные подшивки перенесли во временное хранилище, а длинный стол освободили и сдвинули к торцевой стене под нужды лектория. Дежурный сотрудник указал Марату Бекеновичу на новые читательские столики вдоль центрального прохода — светлая ламинированная поверхность на цельной металлической ножке.

Марат Бекенович раскрыл заказанную подшивку за 1978 год. Нижняя часть бумажного блока повисла над паркетом, и тяжёлый корешок изогнулся вниз. Ноутбук перекрыл часть текста; чтобы освободить место для тетради, он сдвинул его к самому краю.

При попытке развернуть карту лист накрыл клавиатуру, подшивку и тетрадь, и свесился со столика с двух сторон. Марат Бекенович сложил его в четыре раза и убрал под ноутбук. Край газетного блока он удерживал левой рукой, а правой выписывал что-то в тетрадь.

Через полтора часа он поднял подшивку двумя руками, поддерживая прогнувшийся переплёт снизу, сдал её и покинул библиотеку раньше обычного времени.

В четверг Марат Бекенович снова пришёл в читальный зал. Подшивка опять свисала с ламинированного столика, изгибая тяжёлый корешок.

Марат Бекенович вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую деревянную линейку, приложил нулевое деление к прямому торцу панели и направил линейку вертикально вниз: к углу провисающего переплёта. Край разворота фиксировался на делении в четырнадцать сантиметров.

Он открыл тетрадь на первой чистой странице и вывел простым карандашом «14 см». Убрав линейку, Марат Бекенович открыл рабочую таблицу и выписал данные по четырём газетным номерам. Затем сдал том и ушёл.

Прошло три недели. В привычные дни его визитов ламинированный столик у стены занимали студенты с компактными ноутбуками и читатели с конспектами. Газетные подшивки большого формата на этот участок зала больше не запрашивались.

Как-то Корнев подошёл к стойке выдачи, где дежурила Рузалия, выдвинул металлический ящик картотеки и извлёк карточку с отпечатанными графами домашнего адреса и телефона.

— Позвони по номеру из читательской записи, — сказал Корнев.

Рузалия не взяла формуляр из его рук. Она продолжала вносить сведения в бумажную ведомость текущей смены.

— Телефон нужен для уведомлений, а не чтобы прове-

рять, жив ли человек, — ответила она.

Корнев опустил карточку обратно, задвинул ящик карто- теки до срабатывания пружинного фиксатора и вышел через служебную дверь в коридор хранилища.

Через десять дней из хранилища периодически на стойку поступи- ла заказанная ранее подшивка районных газет за 1986 год. Сверху лежал листок предварительного резервирования с пометкой о согласии на телефонное уведомление.

Рузалия достала формуляр из картотечного ящика, сли- чила номер заказа с записью в карточке, подняла серую труб- ку и набрала номер.

— Ваша подшивка пришла. До пятницы держим.

— Снимите, пожалуйста. Я теперь в городском архиве ра- ботаю. У вас большой стол занят всё время.

— Понятно. Заказ отменяю.

Рузалия опустила трубку на рычаг. Приложив линейку к бланку резервирования, она провела сплошную линию через номер заказа и написала: «Заказ снят по заявке читателя». Затем взяла из стопки следующий бланк заказа.

Старый чугунный радиатор под третьим окном, который подрядчики поместили под замену ещё в первый день, так и остался на месте. Его нижнюю секцию обмотали сантехни- ческим бинтом с олифой, а под трубу поставили узкий оцин- кованный лоток.

Корнев нагнулся и проверил дно лотка пальцами — сле- дов влаги сегодня не было. На краю стола лежала итоговая

ведомость ремонта. Напротив пункта «Замена отопительных приборов» стояла свежая синяя галочка. Корнев убрал ведомость в ящик. За окном проехал КамАЗ, и стеллажная стойка у стены откликнулась едва слышным дребезжанием.

На следующий день Корнев вышел из библиотеки за час до окончания смены, подхватил портфель и дошёл до киоска «Караван» у перекрёстка с проспектом Сейфуллина. Он задержался у витрины, разглядывая верхний ряд журналов. У перекрёстка остановился троллейбус; двери открылись, пассажиры вышли на тротуар. Корнев остался у витрины. Когда троллейбус ушёл вверх по линии, к остановке подошёл автобус. Корнев отошёл от киоска и поднялся на площадку. Через две остановки он сошёл у тихого переуллка, прошёл вдоль школьной ограды и свернул во двор.

В торце кирпичного здания, в офисе с вывеской Казпочты работало одно окно. Пропустив пожилую женщину с сумкой, он положил на деревянный барьер заполненное извещение и удостоверение. Кассирша сверила подпись с журналом, поставила круглый штемпель на бланк и вынесла из задней комнаты плоский прямоугольный свёрток. Корнев расписался в журнале выдачи и проверил пальцами целостность углов, сверил номера на извещении и на наклейке, опустил пакет на дно сумки и вышел на улицу.

В квартире он запер входную дверь на два оборота и набросил цепочку. Затем снял и повесил пальто, прошёл в малую комнату, сдвинул сушилку к стене и оттянул от шкафа

пылесос. Рабочий стол он расчистил, застелил серой обёрточной бумагой и включил настольную лампу с зелёным абажуром. После этого вымыл руки с хозяйственным мылом и вытер их насухо.

Пакет Корнев положил в центр листа под лампу. Ленту вдоль края крафта он разрезал узким сапожным ножом, не погружая лезвие глубоко в упаковку. Из развёрнутой бумаги вынул ротапринтную тетрадь в мягкой обложке цвета сырого картона. На обложке типографской краской было отпечатано название: «После смены».

Сверка началась с физического состояния. Корнев взял тетрадь за обрез, поднёс блок к носу и сделал медленный вдох. Подвальной сырости, керосина или дизельной копоти не было; от бумаги пахло сухой типографской краской и старым клеем. Он прошёл лупой вдоль корешкового сгиба, углов и проволочных скоб, выискивая порошистый налёт, повреждения краёв, отверстия и труху. Сгиб обложки оставался целым, без поперечных трещин.

У деревянного шкафа возле дальней стены он открыл двухстворчатые дверцы. За рядами картонных папок с библиотечными отчётами стоял архивный бокс с наклеенным на торец ярлыком: РОЭ-ЛТ-1987. Он перенёс бокс на стол и вынул находившийся там экземпляр — точно такую же ротапринтную тетрадь, обёрнутую в тонкую бескислотную бумагу. Экземпляр из шкафа он положил слева от лампы, принесённый — справа.

Он листал принесённый экземпляр, поодиночке зажимая каждый лист между большим и указательным пальцами. Пересчитав четырёхлистные тетради блока, он проверил нумерацию с первой страницы по шестьдесят четвёртую: пропущенных, дублированных и чистых листов не было. Две стальные скобы в корешке имели лёгкий налёт окисла у нижнего отгиба, но ржавчина не коснулась бумаги. Поднимая страницы обоих экземпляров к свету, он сравнивал просвет и распределение волокон. При свете лампы оттенок бумаги тоже совпадал.

Корнев придвинул тетради друг к другу и совместил нижние обрезы. Затем аккуратно сдвинул правую, пока её нижний угол не сравнялся с левым. Сначала раскрыл обе под лампой на титульных листах, затем перелистал к последним страницам с типографскими данными. Гарнитура, кегль, размер полосы набора, расположение строк, формат бумаги и номер типографского заказа полностью совпадали.

Для окончательной проверки Корнев открыл оба экземпляра на двадцать третьей странице. На четырнадцатой строке снизу в слове «производственный» у буквы «в» не пропечатался верхний элемент, а в следующем слове «а» стояла вверх ногами. В обоих экземплярах дефект находился в одном и том же месте; совпадала и деформация контура. Сличённые признаки печати совпадали. Корнев перевёл взгляд с левой дефектной строки на правую и снова на левую. Пальцы продолжали удерживать страницы за внешние поля.

Экземпляр из шкафа остался раскрытым слева. Корнев снова пролистал заднюю часть принесённого блока. Под клапаном обложки лежал сложенный вчетверо голубой лист — машинописная копия, выполненная через синюю копировальную бумагу. Он развернул лист на серой бумаге и прижал костяной гладилкой край, стремившийся подняться по старому сгибу. Тонкая бумага шелестела. Наверху страницы стоял заголовок: «Обсуждение. 14 марта 1988». Ниже шли абзацы текста с инициалами выступавших на полях, рукописными вставками фиолетовыми чернилами и перечёркнутыми фразами. На сгибах остались тёмные синие смазы.

Корнев сел на стул, подвинул лампу ближе и прочёл документ, ведя пальцем вдоль машинописных строк, и останавливаясь на рукописных пометках. Тикали настольные часы. Чтение заняло около пятнадцати минут. После этого Корнев остался сидеть неподвижно, глядя на голубой лист и не убирая руки со стола.

Затем он взял из настольного прибора заправленную чёрную ручку и карточку провенанса из белого плотного картона. В верхней строке он проставил дату и номер РОЭ-ЛТ-1987, а ниже аккуратным почерком записал формулировку:

«вкладной лист служебного характера; в состав издания не входит»

Карточку Корнев вложил в папку провенанса. Экземпляр тетради «После смены» из шкафа снова завернул в бескис-

лотную бумагу, уложил в серую коробку РОЭ-ЛТ-1987 и вернул на полку за ряды архивных папок. Принесённый экземпляр вместе с голубым листом он обернул в серый крафт и убрал в портфель. Пылесос Корнев поставил перед шкафом, сушилку вернул поперёк прохода.

Восьмого октября Корнев вышел из дома в шесть часов утра. В портфеле вместе с завёрнутой тетрадью лежали металлические щипцы с длинными губками, стальной скребок, кочерга, небольшие плоскогубцы, влажная ветошь в пакете и коробка спичек.

На первом троллейбусе он доехал до промышленной зоны на Ауэзова, прошёл вниз по рельсам и подошёл к отдельному кирпичному строению без вывески. Оконные проёмы были заколочены досками, на двери висел замок. Корнев отпер дужку ключом и вошёл внутрь.

Внутри был цементный пол и местами оголившиеся кирпичные стены; пахло сырой штукатуркой и застоявшейся пылью. У дымохода стояла чугунная печь со слоем въевшейся копоти.

Сумку Корнев оставил на ящике у входа и подошёл к печи. Холодный металл покрылся мелкой испариной. Он снял конфорку и посветил внутрь. На дне лежали старые угли, зола и спёкшийся шлак. Корнев вычистил топливник скребком до колосника, затем поднёс зажжённую спичку к открытой дверце: пламя ровно втянулось в дымоход.

Корнев развернул вынутый из сумки свёрток и положил

тетрадь на сухую сторону старого овощного ящика . Плоскогубцами, стараясь не надорвать бумагу у корешка, он подцепил и разогнул две стальные проволоочные скобы, вытянул их из блока и положил на край жестяного совка.

Блок разделил на отдельные тетради по четыре листа. На очищенной решётке колосника сложил небольшой шалаш из найденной у стены сосновой щепы и дощечек покрупнее, чиркнул спичкой и дождался, пока жёлтое пламя охватит сухую древесину. Когда жар стал устойчивым, он взял первую тетрадь.

Книга горела плохо. Плотная ротапринтная бумага, спрессованная в пачку, сразу покрылась чёрной коркой снаружи и начала густо тлеть, перекрыв доступ кислорода внутрь. Вытянув обугленный блок щипцами обратно на край колосника, Корнев стал подавать листы поочерёдно.

Каждая пачка при нагревании скручивалась в жёсткую трубку. Корнев разворачивал обугленные свёртки щипцами и поворачивал к огню сохранившимися белый цвет внутренними частями. Белый дым типографской краски уходил в трубу. Осыпавшиеся сквозь решётку недогарки он сдвигал кочергой обратно в пламя.

Обложка почти не поддавалась. Корнев расщеплял её щипцами на узкие полосы и разминал скребком на раскалённом чугуने. Старый клей плавился и собирался в твёрдые комочки; Корнев растирал их кочергой по ребристой стенке печи, давя на рукоять всем весом.

Когда весь печатный блок был уничтожен и превращён в горячую золу, он подошёл к ящику и взял сложенный голубой лист «Обсуждение. 14 марта 1988». Развернув и расправив его двумя руками на весу, Корнев поднёс лист к открытой конфорке и положил плашмя прямо на раскалённые красные угли. Тонкая бумага вспыхнула мгновенно, без дыма. На долю секунды синеватый машинописный текст проступил белыми строчками на обугленном чёрном фоне, после чего лист стремительно рассыпался, превратившись в лёгкие серые хлопья.

Ещё двадцать минут Корнев дробил и перемешивал золу, пока на дне топливника не остался однородный серый порошок. Затем отложил кочергу.

Влажной ветошью Корнев стёр копоть с пальцев и ладоней. Две вынутые скобы он поднял с совка и опустил в карман пальто. Инструменты протёр от золы и уложил обратно на дно портфеля. Снаружи Корнев защёлкнул дужку навесного замка и дважды провернул ключ.

Впереди его ждал очередной рабочий день в любимой библиотеке.

Глава 6. Ишкар Закику

Мальчик читал вслух. Побелевшие пальцы левой руки удерживали плотный бумажный обрез, указательный палец правой скользил вдоль символов. Оранжевый круг света от настольной лампы под острым углом падал на разворот без названия и без рамок, освещая дальнюю страницу и край тёмной деревянной тумбочки, где стоял наполовину пустой стакан. Чуть дальше выступал угол высокой кровати: стёганое синее одеяло уходило под матрас гладкой полосой, без единой складки на плотной ткани.

Произношение было чистым и выверенным, с одинаковыми ударениями и ясными паузами после точки. Палец двигался от верха страницы к низу, не позволяя взгляду перескакивать через строки. Каждая фраза произносилась в полную силу.

На внутренней стороне стекла уже лежал тонкий иней. На короткой паузе между длинными абзацами мальчик наклонился ближе к мутной поверхности, один раз выдохнул на холодную полосу и прикоснулся к ней подушечкой пальца: белый слой остался сухим и жёстким, как соль.

Мальчик вернулся к строке. Остановиться было бы невежливо. Перевернув страницу и набрав воздуха перед длинной фразой, в которой сказуемое появлялось только к концу второй строки, он продолжил читать. Ладонь придержи-

вала плотный переплёт у самого края книги. Пальцы левой руки долго сжимали обрез, но затёкшая рука тяжелела, ладонь медленно соскользнула вдоль корешка, оборвав слог на середине слова. Книга упала, не издав ни звука.

Корнев открыл глаза. Подушка съехала наискось, придавив локоть к матрасу. Он медленно высвободил руку, разжал пальцы и лёг на спину. Сквозь окно пробивался обычный утренний свет. Корнев беззвучно пошевелил губами, пытаясь подхватить первую гласную оборванного предложения, но память осталась пустой. Восстановить не удалось ни единого слова. Корнев сел на край кровати, опустил ноги на пол и оправил ночную рубашку. Он встал, вышел из спальни, прошёл по коридору на кухню, подошёл к плите и коротким движением чиркнул спичкой.

Корнев раскрыл бумажный блокнот. Рядом лежали стопка инвентарных карточек и металлический штампель. В проходе между стеллажами фонда гудела вентиляция. Из открытой двери подсобки на линолеум падала полоса дневного света.

На верхнем поле разграфлённого листа синел крупный рукописный заголовок. Под ним тянулась таблица из двух столбцов. В левом короткие пары двухзначных чисел, разделённые точками, шли одна под другой почти до нижнего края. Правый столбец, отведённый для описаний, оставался пустым. Корнев вписал сегодняшнюю дату в левый столбец под последней строкой и положил шариковую ручку рядом

с блокнотом.

Секундная стрелка настенных часов над дверным проёмом прошла несколько десятков делений. Рука Корнева осталась у края листа.

Из прохода донёлся стук колёс. За спиной Корнева сотрудник провёз мимо стола двухъярусную тележку, нагруженную журнальными подшивками и открытыми папками. Не замедляя шага и не наклоняясь, он повернул голову к раскрытому блокноту:

— Что это, реестр комаров?

— Кошмаров, — машинально поправил Корнев. Повисла неловкая пауза.

— Это из абонементов. — наконец сказал парень. — Подскажите, что куда расставить?

Корнев закрыл блокнот, убрал его в ящик стола и поднялся. Перехватив тележку из рук коллеги, он выкатил её в проход и повёз к открытым стеллажам.

Айгерим прокрутила колёсико мыши, и список файлов цифровой копии на мониторе пополз вниз. Отображалась выгрузка гидрографического сборника тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года, файлы шли сплошной последовательностью: оглавление, печатные строки текста и чёрно-белые схемы. За изображением двухсот сороковой страницы сразу следовал скан внутренней стороны заднего переплёта. Айгерим кликнула по пустому полю статуса, где замигал курсор. Рядом лежал чистый контрольный лист.

Подошёл Корнев и принёс оригинал сборника в тканевом переплёте с потёртостями на углах. Он опустил том на свободный край, откинул заднюю обложку и вытащил из кармана сложенный вчетверо лист. Корнев положил его рядом с книгой. На поверхности виднелся фрагмент типографской сетки. Синие линии пересекали её и уходили под сгиб. На белом поле стояли рукописная дата и размашистая подпись. Гладкая бумага отличалась от плотных страниц сборника, а сложенный лист уступал ему по формату.

Корнев посмотрел на синие линии, потом на пустой карман. — Это позднее вложение, — сказал он. — К сборнику не относится. Сканируем без него.

Айгерим встала и подошла к высокому шкафу картотеки. Она потянула нижний ящик на себя. Ящик шумно выехал по стальным направляющим. Айгерим перебрала разделители, остановилась на букве «С», раздвинула карточки и вытянула нужную. На белом фоне шёл вдавленный машинописный текст библиографического описания. Она вернулась к рабочему столу, опустила карточку на поверхность и сдвинула её прямо к Корневу. Палец Айгерим лёг на нижнюю строку печатного текста.

— Пометки поздние, а сама карта — нет, — сказала Айгерим. — Она входила в издание. Вот.

Корнев посмотрел на карточку. Его взгляд остановился на строке со словами 1 складная карта в кармане. Он перевёл глаза на лист с синими пометками, затем его взгляд опустил-

ся обратно к тексту. Палец Корнева коснулся цифры один и скользнул вправо под словом карта. Он убрал руку со стола и посмотрел на пустой карман серого тома, затем наклонился к столешнице и опустил палец на ту же строку описания.

Корнев приподнял карту обеими руками. Его пальцы легли на крайний сгиб верхнего слоя. Он потянул края в разные стороны. В этот момент левая рука, отяжелевшая с самого утра, не рассчитала усилие. Раздался сухой треск, прозвучавший так же коротко и резко, как утренняя спичка на кухне. На линии старого перегиба приподнялись тонкие волокна, и появилась крошечная белая трещина, похожая на жёсткий невосприимчивый иней.

Корнев мгновенно остановил движение рук. Он на долю секунды беззвучно шевельнул губами, словно снова пытаюсь нащупать забытое слово из сна, и опустил карту обратно на стол. Он аккуратно свёл края вместе пальцами и пригладил слой без давления на повреждённую линию. Он достал ручку, придвинул к себе контрольный лист и написал: «Надрыв по линии старого сгиба. Карту не раскрывать. До съёмки — укрепление сгиба у реставратора». Корнев поставил подпись.

К столу подошли техник и Рузалия. Техник держал папку с актом сдачи-приёмки внутри.

— Скан уже загрузили, — сказал техник и опустил папку на стол перед Айгерим. — Нам сегодня закрывать этап.

— На этот сборник есть запрос, — сказала Рузалия. Она

встала вплотную к столу. — Читателю нужна карта. Сегодня последний день.

Айгерим открыла окно входящего запроса. Читатель просил предоставить доступ к сборнику для работы с картой истоков рек. Айгерим поставила курсор в поле ответа и набрала короткий текст: «В цифровой копии доступны страницы до двухсот сороковой. Карта временно недоступна: перед съёмкой необходимо укрепить повреждённый сгиб». Она нажала клавишу ввода. Текст исчез из окна, а в истории переписки появилась новая строка.

Айгерим придвинула к себе контрольный лист и под строкой Корнева вывела: не принято: отсутствует приложение. Справа от статуса она поставила свою подпись.

— Подпишите, пожалуйста, — сказал техник и постучал по бумаге.

Айгерим сдвинула бумагу к технику. Акт остался на краю стола без подписи. Рузалия посмотрела на документ без визы, затем перевела взгляд на монитор с историей переписки. Техник молча забрал акт. Они оба развернулись и пошли по коридору.

На столе остался лежать контрольный лист. В его верхней части читалась запись Корнева о повреждённом сгибе и его подпись. Сразу под ней располагалась строка не принято: отсутствует приложение и подпись Айгерим. Возле документа лежал раскрытый серый том и нераскрытая карта.

Глава 7. Энмеркар

В 2002 году в петербургском общежитии Миша держал паспорт, медицинскую справку, четыре небрежно слипшиеся фотографии и два бланка. В верхнем бланке — заявлении на заселение — он уже вписал алматинский адрес. Айжан сняла заполненное заявление, вытащила из-под него пустой лист, перевернула лицевой стороной вверх и положила сверху.

— Сначала этот. Без него комнату не дадут.

В коридоре стояли чемоданы, клеёнчатые сумки и свёрнутые матрасы. У двери очередь загибалась к лестнице.

— Откуда знаешь? — спросил он.

— Меня уже один раз комендант выгнала.

Айжан поставила свой чемодан на ребро и показала строку для номера направления. Миша переписал цифры. Когда очередь двинулась, выдвижная ручка чемодана застряла на половине длины; Миша подхватил его за боковую. Айжан взяла его свёрнутый матрас. До поворота очереди у лестницы они дошли, успев назвать друг другу только имена.

Через неделю они уже ждали друг друга у проходной. Если Миша задерживался в читальном зале, Айжан держала для него место в последнем вагоне метро; если она не успевала в столовую, он покупал две булочки и одну оставлял в бумажном пакете. В ноябре у Айжан треснула крышка термо-

са. Они по очереди пили из его кружки, вытирая край большим пальцем.

Однажды после пересадки Айжан заснула, упершись виском в его плечо. Миша проехал свою остановку. На конечной она проснулась, посмотрела на табличку над дверью и спросила:

— Тебе же раньше выходить?

— Я никуда не спешу.

Айжан поправила шарф и ничего не сказала.

Однажды она сняла с доски возле студенческой столовой объявление о литературном вечере. На половине листа стояли названия журналов и фамилии поэтов, ниже — двор, подъезд и код. Айжан сложила лист вчетверо и вечером ждала Мишу у проходной.

— Сходим? Тут вроде газету делают.

На лестничном пролёте нужного дома лежала пачка бумаги, перетянутая шпагатом. Дверь квартиры открыл их сокурсник, высокий парень в растянутом свитере.

— Бумагу захватите, — сказал он. — Паша опять в парадной бросил.

Айжан взялась за один конец пачки, Миша — за другой. В прихожей парень освободил им место среди ботинок и крикнул в комнату:

— Паша, казахи пришли.

Павел вышел с кухонным полотенцем на плече, принял пачку и поставил её к стене.

— Отлично. Чай будете? Есть гречка, только холодная.

На кухне он разогрел сковороду, отрезал хлеб и отдал Мише единственную вилку. Сам ел ложкой. Айжан сидела на подоконнике с кружкой, поджав одну ногу. После гречки Павел поставил на стол бутылку. Кто-то принёс из комнаты гитару; стихи читали, перебивая друг друга. Когда развели косты, Павел достал из шкафа два шерстяных одеяла и уступил им комнату, а сам лёг на кухне.

Через несколько дней компания спустилась в полуподвальный бар на углу. Айжан шла рядом с Мишей, держась за перила. Внизу они заняли места у стойки. Паша снял куртку, парень в жилетке подвинул пепельницу. Айжан встала с краю, рядом с Мишей, положив ладони на столешницу.

Женщина за стойкой вытирала полотенцем стакан. Она кивнула Павлу, оглядела знакомые лица и остановила взгляд на Айжан. Барменша не поздоровалась. Она повернулась спиной, поставила чистый стакан на верхнюю полку и через узкое зеркало между бутылками продолжила смотреть на Айжан, натирая следующее стекло.

Павел достал из кармана бумажник и положил на стойку две смятые купюры.

— Алён, привет, как дела в городе? — спросил парень в жилетке.

Барменша поставила стакан в ряд и взяла следующий.

— Нормально, — ответила она в зеркало. — Черноты только много стало.

Она опустила полотенце в раковину. Парень в жилетке убрал руку от пепельницы. Айжан стояла прямо, глядя на полки с бутылками. Пальцы Айжан сжали край стойки.

— Ты это про погоду? — спросил Паша.

— Нет, — ответила Алёна, не отрывая взгляда от Айжан.

— Про чурок.

— Она с нами, — сказал Паша Алёне. — Не обращай внимания, это она не про тебя. — добавил он, обращаясь к Айжан.

Барменша отвернулась от зеркала, взяла с полки чистый стакан и потянула рычаг пивного крана до упора. Она наполнила стакан пеной до самого края и поставила перед Айжан.

Айжан оставила стакан на стойке, развернулась, прошла мимо Миши к ступеням и поднялась на улицу. Тяжёлая дверь за ней хлопнула.

Миша провёл пальцем по мокрому следу на столешнице, посмотрел на нетронутый стакан, полный пены, и пошёл следом вверх.

Павел достал из кармана ещё несколько купюр, прибавил их к первым деньгам и подвинул барменше. Остальные переглянулись, разобрали куртки и нестройно вышли на лестницу. Вечер они перенесли в пельменную на соседней улице.

После этого Миша стал приходить по средам. Он сверял даты в заметках, правил фамилии авторов и однажды нашёл пропущенную страницу в машинописной копии. Айжан помогала подписывать пачки для книжных лотков. Иногда они

уходили вместе. Иногда Миша оставался, потому что Паша приносил ещё один текст.

Хозяина квартиры все звали Лебедем. Только однажды, когда он поднял трубку в коридоре, Миша услышал:

— Георгий Лебедев слушает.

Лебедь вернулся в комнату, сел на подлокотник и продолжил спор с той же фразы, на которой остановился.

Перед собраниями он снимал с полки небольшую фотографию в деревянной рамке и ставил её лицом к стене. На обороте синей пастой было написано: В. Д. Лебедев. Первый зампред Госплана. Миша увидел надпись, когда Лебедь попросил передать рамку через стол.

— Это кто? — спросил Миша.

— Дед. Хозяйственник был.

Лебедь поставил фотографию за ряд книг. Потом вынул из письменного стакана потёртую авторучку и расписался в листе дежурств: Лебедь.

— Тоже дедова, — сказал он, заметив взгляд Миши. — До сих пор пишет.

В тот вечер на столе лежала карта с границами союзных республик. Парень в кожаной жилетке водил карандашом вдоль северной части Казахстана и говорил, что границы нарезали канцелярским ножом, а русские города оставили за чертой случайно. Айжан перестала складывать газеты.

— Какие русские города? — спросила она.

Парень произнёс два названия. Айжан поправила дату ос-

нования первого и сказала, что во втором русские никогда не составляли всего населения. Он постучал карандашом по карте.

— Мы не про тебя. Не заводишь.

— А про кого?

Павел принёс с кухни чайник и поставил его на сложенную газету.

— Давайте без личного, — сказал он. — Мы про историческую рамку.

Парень в жилетке повернулся к Мише.

— Казах, ты же понимаешь, о чём речь?

Миша посмотрел на карандашный след поверх границы. Северные области отличались друг от друга, города тоже. Если начать с переселений, эвакуации и заводов, получится точнее.

— Там всё сложнее, — сказал он. — Население менялось. И города разные.

— Вот, — сказал парень и снова наклонился над картой. — Казах понимает.

Лебедь подвинул Мише лист с выписанными цитатами.

— Проверь тогда цифры по переписи. Чтобы без ерунды.

Айжан застегнула тетрадь, убрала её в сумку и надела пальто. В листе развозки она зачеркнула свою фамилию, сняла со связки свой ключ и положила его поверх строки. Газеты, которые она складывала, остались на столе неровной пачкой.

— Ты идёшь? — спросила она.

Миша взял лист у Лебеда. До последнего метро оставалось достаточно времени, если быстро сверить две таблицы. Павел уже освободил ему место возле лампы.

— Я помогу Паше.

Айжан поправила ремень сумки.

— Понятно.

Она вышла в прихожую. Входная дверь закрылась.

Миша раскрыл справочник. В первой таблице стояли данные одной переписи, в вырезке — другой. Он провёл линейкой под строкой и начал переносить числа на поля.

Через полчаса Павел собрал кружки. Парень в жилетке свернул карту, Лебедь унёс лист дежурств. Миша дописал источник под последней цифрой и закрыл справочник.

Лебедь достал из-за книг деревянную рамку, протёр стекло рукавом и вернул фотографию на полку. Потёртую ручку он поставил в стакан рядом.

— Свет в коридоре выключишь? — спросил Павел.

Миша надел пальто и щёлкнул выключателем.

В начале 2004 года Миша открыл на экране компьютера редакции файл `pismo_sokr_3.pdf` — электронную копию открытого письма молодой алматинки, публиковавшейся в национал-демократических изданиях. На отсканированных листах вдоль правого поля стояли пометки красным стержнем. В другом окне Миша набирал текст в ворде: уточнял дату первой публикации на `nomad.su`, сверял написа-

ние имён и географических названий и исправлял опечатки. В отдельном файле он подготовил короткое вступление к публикации. Автору отправили только размеченный файл `pismo_sokr_3.pdf`; Мишино вступление оставалось в отдельном файле. В середине третьей страницы красная рамка выделяла ключевой авторский абзац, посвященный культурному присутствию и границам языкового наследия.

В коридоре заскрипела половица, и Павел опустил на угол стола распечатку электронного письма.

В письме посредник пересылал прямой и короткий ответ автора на отправленный размеченный файл: «Эту редакцию можно. Абзац от Общий язык... оставить полностью. Имя и ссылку на пост не менять».

Миша вписал дату ответа в начало набранного файла, ещё раз сверил текст со сканом и вложил распечатку письма в папку документов текущего номера. Он позвал верстальщика, указал ему на папку, уступил компьютер и вернулся к проверке библиографических карточек.

Через четыре дня верстальщик распечатал на лазерном принтере первые оттиски финальной полосы. Бумага сохраняла тепло печатного барабана. Миша развернул полосу на столе, прижал верхний край линейкой и начал сверку, двигая линейку вниз от строки к строке.

Во второй колонке третьей полосы линейка остановилась на связующей фразе. Защищённый авторский фрагмент отсутствовал. В согласованном файле строки до красной рам-

ки и после неё были обращены к казахстанской администрации, а внутри рамки тема менялась на Россию, общий язык и культурную бедность казахского языка. Теперь строки до рамки и после неё соединял этот новый абзац.

Он передвинул линейку к верхнему полю. Спокойное авторское название «Открытое письмо о языке и памяти» было заменено на заголовок «Казахский выбор: кто владеет языком?». Имя автора из блока под заголовком убрали. Её письмо состыковали с Мишиным вступлением. Под обоими текстами поставили одну строку: Вступление, подготовка текста и сверка источников — Казах.

Миша взял красную ручку и написал на поле распечатки: вернуть согласованный абзац. Затем он прошёл на кухню и положил лист перед Павлом. Павел проверял свежий спуск полос и правил карандашом смету рассылки.

Миша опустил палец на связующую фразу во второй колонке.

— В размеченной редакции здесь стоял абзац от «Общий язык...». Автор давала согласие только с ним. Заголовок заменили, имя убрали.

Павел отложил карандаш, посмотрел на указанную строку и сдвинул распечатку полосы к краю стола.

— Это не твой спор, — сказал Павел.

Он вернулся к своей смете.

Миша взял распечатку и вернулся к верстальному компьютеру. На экране оставалась открытой та же полоса: вступ-

ление, новый заголовок и начало письма. Курсор мигал на служебной строке. На столе рядом с клавиатурой лежали городской телефон и блокнот с адресом посредника. Он передвинул мышь, перевёл курсор к меню экспорта, подтвердил макет с внесёнными правками и записал итоговый архив на CD-R для типографии.

Через неделю к подъезду подъехала машина из типографии. Курьер занёс в прихожую пять пачек тиража, перетянутых скотчем. Миша поддел ленту канцелярским ножом, разрезал бумажную обёрку и вынул первый экземпляр газеты.

На третьей странице под новым заголовком и текстом вступления на месте подзаголовка стояла отпечатанная мелким шрифтом подпись кличкой Миши: Казах.

В прихожей Павел и парень в кожаной жилетке вскрывали остальные пачки, раскладывая газеты по стопкам. Парень в жилетке просмотрел третью полосу, ткнул пальцем в нижнюю строчку и сказал Павлу:

— Смотри, Казах подписа. Значит, по делу.

Миша с первым экземпляром прошёл в комнату и положил газету на край своего стола.

Через несколько дней после выхода номера Миша открыл в общем почтовом ящике редакционную цепочку. В нижнем процитированном сообщении посредник пересылал автору плохой скан вышедшей полосы. Выше стоял короткий ответ автора на редакционный адрес: «Эта редакция не была согласована; абзац был обязательным условием».

После этого Миша стал искать сетевые копии и упоминания номера. На новой странице алматинского ресурса стоял полный вариант текста со спокойным заголовком, восстановленным фрагментом от «Общий язык...» и датированной рамкой автора.

Миша открыл синюю тетрадь учёта публикаций номера, нашёл строку с именем автора и напротив записи о выходе вывел синей шариковой ручкой: снять невозможно.

Глава 8. Глиняный конверт

Айжан положила на широкий подоконник номер газеты и распечатку согласованной редакции. Миша раскрыл газету на последней из восьми полос и прижал сгиб ладонью. В распечатке абзац от слов «Общий язык» занимал нижнюю треть страницы; в газете после предыдущего предложения сразу шла подпись Казах.

— Павел выкинул абзац, который автор велела оставить, и поставил мою подпись, — сказал Миша. — Я собираю номер обратно. У тебя остался список точек?

Айжан провела пальцем по краю отсутствующего абзаца, сложила распечатку с газетной полосой и вынула из тетради лист в клетку. В левом столбце стояли подвальный магазин контркультуры, лоток в холле института, газетный стол у вокзала, политический стол, клубная стойка и ещё два адреса. Она переписала рядом телефоны и короткие пометы о времени работы.

— Я рада, что ты всё-таки прозрел, — сказала Айжан. — Что выбрал правильную сторону.

Миша повернул лист к себе.

— Все адреса здесь?

— Где продают — все. Где раздали, я не знаю.

Миша поднёс ручку к следующей пустой строке.

Айжан забрала ручку из его пальцев, защёлкнула колпа-

чок и убрала её в карман пальто. Газету и согласованную распечатку она оставила на подоконнике. Миша сложил лист вчетверо и засунул во внутренний карман ветровки.

В комнате он развернул лист на полированном столе и добавил справа колонки остаток, довоз, возврат. Против известных точек появились карандашные статусы: забрал, уехало, не отвечает, не знаю, число неизвестно. Нижние строки с количествами оставались пустыми. Отдельно Миша выписал имена знакомых, уже взявших номер, и отметил вопросительными знаками клубные раздачи. Редакционный архив, обязательные авторские экземпляры, иногородние отправки и частные покупки на лист не попали.

Он считал так: продавцы работают по одной схеме, а непроданные пачки возвращаются по тем же маршрутам. Стоило перекрыть точки одну за другой — и от подписи Казах на серой бумаге не останется следа. Миша обвёл лоток у института, сгладил ногтем угол листа и снова сложил его вчетверо.

У входа в подвальную лавку Миша остановился на каменной площадке и перехватил синий полиэтиленовый пакет с растянутыми от тяжести ручками. С реки через узкую подворотню тянуло прохладной водой и влажной гарью, а на гранитном поребрике у тротуара темнели потёки дождя. Первую партию газет в этой лавке он забрал три дня назад, когда приходил в длинном тёмном пальто. Чтобы не привлечь внимания продавца, сегодня он надел поверх свитера

болотную ветровку с поднятым воротником, но пакет взял тот же самый, с узнаваемым белым логотипом торговой сети.

Миша спустился по подвальным ступеням, толкнул фанерную дверь и подошёл к узкой стойке. За стеклянной витриной на стопке журналов стояла подставка со свежим номером. Серая газетная бумага топорщилась на сгибе, а по краям листов виднелись тёмные типографские засечки. Миша разглядел цену: восемь рублей за штуку — один билет на трамвай или полбулки ржаного хлеба.

Продавец в синтетической олимпийке отставил кружку с чаем, задержал взгляд на лице Миши, а потом опустил глаза на потёртый синий пакет.

— Куртку-то сменил, а пакет тот же, да и лицо то же, — сказал продавец, удерживая ладонь на газетной стопке. — Ты сам-то откуда, с югов? С Казахстана? Обычно этот номер у нас по десятку в неделю сползает, а ты за несколько дней очередную пачку забираешь. Куда тебе столько?

Миша переступил с ноги на ногу на мокром линолеуме, выдержал паузу с коротким гортанным «э-э» и ответил:

— Землякам передаю, ага.

— Землякам... — продавец качнул головой, сдвинул пачку к краю стойки и подтянул к себе накладную с синей типографской печатью. — Разоришься на земляках.

Миша выгреб из кармана смятые деньги: коричневую купюру в сто рублей с Аполлоном, пару зелёных пятидесятирублёвок и разрозненные бумажные десятки. Продавец пе-

ресчитал бумажки, оторвал от чековой ленты длинный хвост и опустил купюры под железную линейку. Забрав деньги, продавец вытащил из кармана олимпийки кнопочный синий Siemens на чёрном шнурке, снял блокировку клавиш и быстро набрал номер.

— Алло, Серёга? — громко произнёс продавец в трубку, не обращая внимания на Мишу. — На связи? Тут оптовый покупатель опять весь выпуск зачистил. Давай довоз организуй, если где осталось.

Миша тем временем подхватил шероховатую бумагу, согнул стопку пополам и затолкнул её на дно синего пакета к уже лежавшим там экземплярам. Пакет тяжелел с каждым движением, а полиэтиленовые ручки натянулись до тонких белёсых нитей и больно впились в пальцы. Типографская краска оставляла на подушечках тёмный сухой налёт.

В перерыве между лекциями Миша встретил знакомого на широкой лестничной площадке второго этажа. Внизу по гулкому вестибюлю проходили студенты, хлопали тяжёлые двери парадной, а со стороны гардероба тянуло сыростью и суконной пылью. Чтобы не появляться снова на лотке у входа, Миша накануне попросил сокурсника выкупить там оставшиеся экземпляры за его счёт.

На шее знакомого висел серебристый CD-плеер iRiver с продетым сквозь дужку проводом поролоновых наушников. Миша достал из кармана ветровки приготовленные бумажные купюры и протянул их через чугунные перила. Знако-

мый засунул деньги в задний карман джинсов и вытащил из текстильной спортивной сумки плоскую газетную пачку.

— Забирай, — сказал знакомый, перекидывая ремень сумки через плечо. — Слышь, ты бы лучше булку в буфете взял, чем последние гроши на макулатуру спускать. Тебе на первом курсе девать их некуда? Смотри, за долги по сессии вылетишь — справку для военкомата аннулируют, весенний призыв на носу.

Миша принял бумаги и тут же пересчитал торцы: в стопке не хватало одного экземпляра. От волнения он сбился со счёта, пересчитал пачку по второму кругу, и его голос на цифре неожиданно дал петуха, сорвавшись на высокий фальцет:

— А где ещё одна?

Вместо последней газеты между сероватыми полосами лежал сложенный вчетверо лист плотной офисной бумаги.

— Одну мне парень в общаге заиграл, — ответил знакомый, застёгивая молнию на сумке. — Я себе с неё разворот на кафедре снял, держи вот копию.

Миша развернул лист. На ксерокопии со смещённой рамкой и тёмной полосой от края сканера виднелся заголовок статьи и чернела подпись «Казах». Тонер въелся в структуру бумаги, а текст на полосе обрывался на той же самой строчке, что и в типографском выпуске. Миша согнул ксерокопию пополам по прежним линиям сгиба, засунул её между печатными листами и опустил всё содержимое в свой пакет. По-

лиэтилен дёрнулся на изломе. Знакомый кивнул, повернулся и пошёл вниз по ступеням, стуча рифлёными подошвами ботинок по бетонным маршам.

Скупка продолжалась вторую неделю. Миша потратил остаток месячной стипендии и занял мелкие купюры у соседей по общежитию. Несколько дней он не ходил в студенческую столовую, покупая в ларьке у остановки только сухие батоны и чайные пакетики, которые заваривал по три-четыре раза в фаянсовой кружке прямо в комнате.

Вечерами он раскладывал на кровати выкупленные пачки. Бумага была шершавой, пыльной, оставляла на ладонях серые полосы печатной краски. Миша пересчитывал экземпляры по десяткам, выравнивал корешки о фанерную спинку кровати, связывал пачки суровой бельевой бечёвкой и убирал под матрас. Пружины прогибались с глухим треском, матрас приподнимался над рамой, но газетные стопки лежали ровно, превращаясь в плотный бумажный пласт. На скупку двенадцати пачек ушли все доступные наличные. В кармане ветровки оставалась только горсть мелких монет, звеневшая при каждом шаге. На тетрадном листе с картой Миша зачеркнул ещё две позиции, поставив в графе отгрузки слово забрал — в лавках продавцы разводили руками перед пустыми полками.

Накануне вечером Миша выкупил на газетном столе у вокзала последнюю пачку. Фанерная полка стеллажа осталась пустой, а продавец при нём тряпкой протёр серое дере-

во и закрыл витрину дощатым щитом.

Утром Миша проходил мимо того же газетного стола у вокзала по пути на лекции. Мелкий дождь моросил над асфальтом, вдоль гранитного поребрика блестели мутные лужи. На том самом месте, где вечером не оставалось ни одного экземпляра, стояла новая пачка того же номера, перетянутая крест-накрест толстым упаковочным шпагатом. Полосы топорщились свежими сгибами, а верхний лист слегка намок от утренней сырости. Миша остановился перед прилавком и показал пальцем на верхнюю газету.

— Снова привезли? — спросил он.

Продавец надрезал шпагат ножовочным лезвием и сбросил обрезки нитей под стойку.

— А как же, — ответил продавец, расправляя верхний лист. — Ты вчера всё wygrеб, я оптовику сразу отсигналил, что товар ушёл. Он с медленной точки на окраине остаток сдёрнул и мне утром закинул. Там номер неделями лежал без движения, а у нас за день под ноль вымело.

Миша wygrеб из глубокого кармана последние купюры, заложенные с вечернего займа, и выложил их на стеклянную витрину. Продавец пересчитал бумаги, сдвинул всю доставленную пачку Мише в руки и вытер стекло широкой ладонью.

— Ты завтра после трёх заходи, — добавил продавец, убирая купюры в фанерный ящик под прилавком. — Я оптовику сказал, чтобы он с других точек по маршруту всё подгрёб.

Раз номер так пошёл, он ещё пачки три довезёт.

Миша перехватил тяжёлый свёрток обеими руками, прижал его к животу и пошёл по мокрому асфальту к институту. Сухая бумага давила на ветровку, а шпагат больно въедался в ладони.

В пятницу после занятий Миша поднялся на чердак, где помещалась редакция. За длинным фанерным столом среди стопок макулатуры и металлических линеек сидел Павел в флисовой толстовке. На углу стола рядом с серой клавиатурой гудел выпуклый CRT-монитор с зелёным огоньком индикатора.

Павел отложил шариковую ручку, поднял глаза на Мишу и сказал:

— Слушай, номер рекордным тиражом разошёлся.

Миша остановился у края стола, прижимая к боку подмышкой пустую текстильную сумку.

— Каким тиражом?

— Ну, не тиражом, — Павел поправил очки в пластиковой оправе и крутанул офисный стул. — Продажи рекордные. Тираж-то тот же.

Он сдвинул в сторону пластиковый стаканчик со скрепками и хлопнул ладонью по бумажному бланку отчётной сводки.

— Распространители второй довоз требуют, — добавил он, показывая пальцем на цифры в колонке. — Один дядька все остатки с дальних точек подчистил. Народу твоя статья

зашла, подпись «Казах» сработала. Двух недель не прошло, а полки на тех точках, что отчитались, пустые.

Миша сжал в кулаке ремень сумки и перехватил выцветшую ткань так, что металлический замок молнии впился в ладонь. Редактор взял шариковую ручку, обвёл итоговую цифру на бланке жирным двойным кругом и, не поднимая головы, спросил:

— У тебя там среди узбеков знакомые есть? Напишешь ещё про них?

Бланк на столе шуршал под синей пастой, за остеклением чердачного окна моросил дождь, а из вентиляционной трубы раздавался ровный гул вытяжки.

Корнев открыл входящее письмо за четырнадцатое мая 2008 года. Гульсум Садыкова писала с личного электронного адреса; в подписи стояли домашний телефон и прежняя должность — библиотечарша городской станции юных натуралистов. При закрытии станции переплетённое начало неопубликованной рукописи ушло в коробках с книжным фондом. Вторая тетрадь, не присоединённая к переплёту, осталась среди рабочих бумаг. К письму Садыкова приложила копию акта: четыре строки с наименованиями папок, её подпись и круглая печать ликвидационной комиссии приходились на нижнюю половину листа.

Остальные файлы содержали снимки страниц с пятнадцатой по сорок восьмую. Корнев сохранил их в отдельную папку и открыл первый. Садыкова фотографировала тетрадь

под настольной лампой: от объектива на правое поле падала тень, край стола проступал за верхним обрезами бумаги. Между машинописными абзацами автор вывел чёрной тушью ветвь ели Шренка; ниже прорисовал жилки на листе яблони Сиверса. Карандашная правка пересекала фиолетовые строки, меняя латинские окончания и вынося новое слово на поле.

Корнев перелистал файлы стрелкой на клавиатуре. На снимках повторялись фиолетовая машинопись, тушь и тот же рыхлый карандаш. Вдоль левого края шёл ряд отверстий без нити; бумага вокруг них загнулась в сторону оборота. В нижнем колонтитуле каждой страницы стояли фамилия составителя и сокращённое название определителя растений Заилийского Алатау.

Пятнадцатого мая Корнев создал служебное письмо. В строку получателей он внёс несколько районных филиалов, куда при закрытии станции передавали книги. В запрос скопировал колонтитул, перепечатал первую строку пятнадцатой страницы и указал, что разыскиваются картонный переплёт, титульный лист и начало машинописного блока. Из папки Садыковой перетащил в письмо два обзорных снимка. Когда полоса передачи дошла до правого края, почтовая программа перенесла письмо в папку отправленных.

Девятнадцатого мая ответила заведующая сектором районной библиотеки имени Жансугурова. В подсобном фонде филиала лежала серая картонная папка, поступившая много

лет назад в одной из коробок от станции и не получившая полного описания. В письме заведующая привела старый номер коробки и свой прямой телефон. К ответу приложила сканы обложки, машинописного титульного листа и первых четырнадцати страниц.

На первом скане края обложки окружала тёмная рамка прижимного стекла. Тканевая полоса на корешке отходила от картона у верхнего угла; на лицевой стороне сохранился прямоугольник более светлой бумаги от снятой наклейки. Фиолетовый штампель филиала стоял на машинописном титуле поверх фамилии составителя.

Корнев сохранил новый пакет рядом с файлами Садыковой и развернул снимки в двух соседних окнах просмотра. Слева поставил четырнадцатую страницу из филиала, справа — пятнадцатую. Увеличив нижнюю часть левого снимка, он совместил последнюю строку с верхней строкой правого окна. Фраза об ареале ели обрывалась после запятой и продолжалась без пропуска.

Корнев передвинул оба изображения к одному масштабу. У буквы о на соседних страницах не пропечатывался верхний край. Карандашные галочки уходили вправо под одним углом; на корешковых полях обеих тетрадей темнели парные отверстия с ржавым ободком. Он уменьшил окна и переименовал снимки, проставив страницам сквозные номера. Обложка и титул получили номера 01 и 02, последняя страница — 50.

Двадцатого мая он сформировал два отдельных запроса. В каждом указал на найденное продолжение рукописи и добавил строку:

Просим дать письменное согласие на передачу контактных данных второй стороне для проведения совместной сверки

Он отправил оба сообщения и сохранил их в папке исходящей корреспонденции.

Ответ из районной библиотеки пришёл двадцать шестого мая:

Можете передать ей мои контакты и прямой номер. Согласны на любой вариант связи для сверки

Позже в тот же день Садыкова прислала ответное сообщение:

Передайте ей мой адрес и телефон. Пусть напишет или позвонит, я расскажу, откуда он у меня

Корнев открыл окно создания нового сообщения. В поле получателей он внёс через запятую два почтовых адреса: официальный ящик районного филиала и личный адрес Садыковой. В теме сообщения набрал полное название определителя. В основном поле напечатал два обращения, отметил продолжение текста со страницы четырнадцать на страницу пятнадцать и перечислил признаки машинописного оригинала. Ниже скопировал имена, прямые телефоны и адреса из полученных ответов. К письму прикрепил сжатый архив со всеми снимками и добавил строку:

Предлагаем связаться напрямую по указанным адресам для оформления совместного акта сверки и передачи данных в электронный каталог

Корнев подвёл курсор мыши к кнопке «Отправить» в левой верхней части окна. Затем он переместил курсор в строку получателей, выделил оба адреса синим цветом и нажал клавишу удаления. Строка адресатов очистилась. Корнев закрыл окно черновика. Поверх почтовой программы появилось небольшое окно: Сохранить изменения в папке «Черновики»? Корнев нажал кнопку Нет.

Корнев открыл окно файлового менеджера и выделил графические файлы. Он переименовал файлы, проставив им сквозную нумерацию от 01 до 50.

Затем Корнев создал два отдельных исходящих черновика. В первое письмо на адрес районной библиотеки он вложил файлы с пятнадцатой по сорок восьмую страницу из пакета Садыковой. В цитируемом тексте он удалил её имя, электронный ящик, телефон, домашний адрес и строки об акте передачи, оставив описание второй тетради. В подписи служебного шаблона сохранил только наименование своей должности. В текст сообщения Корнев вписал:

пока просила без контакта

Во второе письмо на адрес Садыковой он прикрепил изображения обложки, титульного листа и первых четырнадцати страниц из библиотеки. На снимке титула закрыл серым прямоугольником фиолетовый штампель филиала. Из цити-

руемого письма удалил имя заведующей, официальный адрес, прямой номер и строки о коробках из станции, оставив описание первой тетради. В шаблоне сохранил только название своей должности. В текст сообщения он добавил ту же строку:

пока просила без контакта

Корнев нажал кнопку отправки в первом окне. Форма закрылась. Корнев отправил второе письмо. Полоса передачи данных внизу экрана исчезла, и Корнев перенёс оба сообщения в папку отправленных писем.

Корнев выдвинул верхний ящик деревянной картотеки, снял колпачок с чёрной гелевой ручки и достал чистую карточку из плотного серого картона. В верхней строке вывел фамилию составителя и название определителя. Ниже провёл короткую вертикальную черту и записал распределение фрагментов: обложка и страницы с первой по четырнадцатую — районный филиал на улице Татибекова; страницы с пятнадцатой по сорок восьмую — домашнее хранение Садыковой на улице Макатаева. В нижней графе указал телефоны обеих держательниц, даты писем, номер акта и происхождение обеих частей из закрытой станции юных натуралистов. Чёрная паста впилась в серый картон, оставив блеск на последних цифрах.

Корнев поставил карточку в раздел частного учёта между двух разделительных плашек, повернул металлический фиксатор и задвинул ящик до щелчка.

Глава 9. Адапа

Павел перехватил бечёвкой две пачки газетных подшивок и вынес их на лестничную площадку. Вернувшись, он подхватил картонный короб из-под офисной бумаги и опустил его перед Корневым. На боку чёрным маркером было выведено: «Нестеров. П. Н. Литгазета». Под согнутым листом крафта лежали газетные номера, гранки с красными отметками, типографские квитанции, листовки и школьная тетрадь в синей обложке.

Нестеров достал из кармана куртки и положил перед Корневым тяжёлый латунный ключ на витом проволочном кольце.

— От входа, — сказал Нестеров.

— Оставлю на вахте, — сказал Корнев.

Нестеров опёрся обеими ладонями о края короба, нагнулся вперёд и поправил вылезший угол газетного листа.

— Лучше поддержи пока у себя, — сказал Нестеров.

Он вытер о жилет пальцы, измазанные типографской краской, подхватил оставшиеся связки и вышел.

Короб переезжал вместе с Корневым, и в Алматы оказался на нижней полке домашнего стеллажа. Синюю тетрадь Корнев вынул из него отдельно, завёл для неё бокс РОЭ-04 и карточку РОЭ-04-12. В графу «Источник поступления» он внёс личное собрание, в строку провенанса — имя Павла Несте-

рова, в особые приметы — типографская квитанция на стр. 3, надорванный угол обложки.

Однажды на личный электронный адрес Корнева пришло сообщение. В строке отправителя почтового интерфейса отображалось имя Павла Нестерова и адрес p.nesterov@fontanka-archive.org.

Корнев щёлкнул мышью по теме письма. Текст развернулся в центральном окне, перекрыв приложение с каталожными записями. Свет от экрана падал на края клавиш и на разложенные перед монитором бумажные листы.

«Привет. Сколько лет прошло. Мы запустили открытый архив независимой печати и собираем документы двухтысячных годов. Помнишь коробку из редакции, которую я оставлял у тебя когда переезжал в Москву? Из неё мне нужна только рабочая тетрадь: обычная школьная, в синей обложке, подписана моим именем. Напиши, куда отправить курьера или на какую карту перевести деньги за почту.»

Под письмом стояли телефонный номер, фамилия и ссылка на открытый архив. Корнев нажал кнопку «Ответить» и набрал: Посмотрю на выходных.

Он нажал Enter и кликнул по синей кнопке отправки. Окно ввода свернулось, на экране возникла плашка Сообщение отправлено, и строка переписки переместилась в папку исходящих.

В понедельник под четверговым ответом появилось второе письмо:

«Жду тогда в понедельник. Курьер заберёт тетрадь до пятницы, у нас дедлайн по описи фонда пятнадцатого числа. Подтверди только, что всё на месте, чтобы я заложил её в реестр.»

Корнев достал с нижней полки бокс РОЭ-04, поставил его справа от монитора и поднял карточку РОЭ-04-12. В строке провенанса стояло имя Павла Нестерова.

Корнев вынул синюю тетрадь. Надорванный угол обложки держала изнутри пожелтевшая полоска ленты; на третьей странице была вклеена квитанция с фиолетовым штемпелем. Дальше шли шесть расчерченных от руки колонок: дата — точка или прозвище — выдано — возврат — деньги — долг.

Корнев опустил тетрадь и карточку РОЭ-04-12 обратно на дно бокса РОЭ-04 и зафиксировал крышку. Бокс остался стоять на столе справа от монитора под лучом лампы.

Корнев повернулся к монитору и нажал на текстовую форму ответа в цепочке писем. Вертикальный курсор заморгал в пустом поле ввода.

Он опустил пальцы на клавиши и набрал первую формулировку: Тетрадь лежит в отдельном боксе, смогу передать курьеру на следующей неделе.

Он зажал Backspace и удерживал клавишу, пока строка не исчезла. Затем напечатал: Просмотрел короб, среди оставшихся материалов этой тетради нет.

Корнев перевёл курсор на крестик окна. Почтовый клиент

спросил: Удалить черновик? Он нажал Удалить. Поле ответа закрылось; бокс РОЭ-04 остался справа от монитора.

Корнев снова нажал «Ответить» и набрал: Пока не нашёл.

Он нажал синюю кнопку отправки. Окно ввода свернулось, вверху экрана возникла плашка с подтверждением отправки, а в списке входящих тема переписки отобразилась обычным шрифтом без точки непрочитанного статуса, сохранив в цепочке исходящую строку Пока не нашёл.

Корнев поднял бокс за боковые прорези и вернул его на нижнюю полку рядом с коробом Нестерова.

В середине января Айгерим положила на край стола Корнева распечатку акта и осталась стоять у стеллажа, опираясь ладонью о деревянный бортик. Из коридора доносился гул напольного вентилятора и стук колёс тележки с фонда. На Айгерим был тёмный свитер с высоким воротником и серые брюки. Она переступила с ноги на ногу, потирая пальцами узкий край картонной папки.

Корнев проверил номер акта, поставил дату и расписался в нижней графе. Айгерим взяла лист, но в папку не убрала.

— А почему тебя все Корневым называют? Почему не Миша?

— Азамат начал. Мы в одном классе учились. Когда я после Питера сюда устроился, он уже работал. Он меня ещё со школы Корневым звал. Остальные подхватили.

— Он сейчас где?

— В Астане. По «Болашаку» в Австралии учился, потом

вернулся.

Айгерим провела пальцем по его подписи внизу акта.

— А тебя до сих пор Корневым зовут.

— Привыкли.

Она убрала лист в папку, но от стеллажа не отошла.

— В среду у Борецкого показывают «Зази в метро», — сказала она, поправляя тонкий серебряный браслет на запястье. — По тому Кено из зимнего поступления. Я хотела посмотреть, что Маль сделал с языком. Ты бы хотел пойти?

Корнев сдвинул распечатку на край стола и стальной линейкой выровнял стопку учётных карточек.

— Я не на все фильмы хожу, — сказал он. — У Кено главное — язык. Маль оставил многие реплики, а языковую игру заменил ускорением и резкими склейками.

Из-за стеллажа донёсся подавленный смешок Рузалии. Там зашелестели листы, потом щёлкнул степлер.

Айгерим сдвинула браслет выше по рукаву свитера и подступила на шаг ближе к столу.

— Вот это я и хочу посмотреть, — сказала она. — На большом экране.

— Это уже другое произведение, — сказал Корнев, цепляя ногтем разделительную ленту.

Айгерим постояла у стола, разглядывая край синего сукна. Она провела ногтем по деревянной планке, взяла подписанный лист и ушла в коридор, не оглядываясь. Корнев опустил ручку в стаканчик, развернул следующий инвентарный

журнал и продолжил сверку шифров.

В пятницу вечером Корнев нашёл в расписании драму без литературного первоисточника. На схеме малого зала он отметил соседние кресла восемь и девять. На почту пришли два билета.

Он взял со стола телефон и открыл мессенджер. В списке контактов имя Айгерим стояло вверху. Корнев нажал на серое поле ввода и напечатал:

В субботу в восемь вечера сеанс в Армане. Сценарий оригинальный. Взял два билета.

Курсор мигал сразу за последней точкой. Он задержал палец на экране, выделил текст и убрал уточнение про сценарий. Фраза приняла вид:

В субботу в восемь вечера сеанс в Армане. Взял два билета.

Палец замер над зелёным кружком отправки. Корнев сместил подушечку пальца вправо, нажал клавишу удаления и удерживал её, пока окно ввода не опустело. Он заблокировал телефон и положил его экраном вниз на тумбочку.

В субботу Корнев пришёл в кинотеатр за двадцать минут до начала сеанса. В фойе пахло пригоревшим маслом от поп-корна. Люди входили через стеклянные двери, стряхивая мокрый снег с плеч. Девушка у контрольной тумбы отсканировала QR-код с экрана его телефона, аппарат пикнул дважды, погасив оба билета.

За тяжёлой бархатной шторой вдоль стены горели синие

плафоны. Корнев прошёл по коридору направо, вышел к экрану, поднялся по лестнице на свой ряд, сел на кресло номер восемь, а тяжёлую зимнюю куртку сложил вдвое и разложил на соседнем кресле. Когда свет погас, зал заполнил грандиозный звук, а экран ослепил зрителей рекламой.

Во вторник посреди рабочего дня на телефон Корнева пришло сообщение от Айгерим:

Привет, Миша! В четверг в Шугле ретроспектива Айманова. Есть два места на девятнадцать тридцать. Пойдёшь?

Корнев ответил сразу:

Пойду.

Они встретились на крыльце кинотеатра и сели в пятом ряду. После сеанса зашли в кафе через дорогу от сквера. Корнев заказал чайник чёрного чая, Айгерим — кофе.

— Хорошо, что Айманова показали в зале, — сказала Айгерим, глядя на тёмную улицу за окном.

— В девять вечера у меня приёмка актов в моём отделе, — добавила она, взглянув на круглые часы над стойкой. — Допьём чай, и я поеду.

Они говорили о графике оцифровки фондов и ремонте вентиляции в абонементе. Корнев разрезал пирог на ровные квадраты и отложил корочку на край тарелки.

На улице шёл мелкий сухой снег. Они дошли до остановки на углу проспекта. У жёлтого столба с расписанием Айгерим остановилась, повернулась к Корневу и прикоснулась губами к его губам. Её щека была холодной от ветра, а от воротни-

ка пальто пахло сухими духами. Корнев вынул правую руку из кармана и приподнял её к плечу Айгерим, но остановил кисть над тёмной тканью, не коснувшись отворота. Пальцы сжались в кулак, и он опустил руку обратно в карман. Айгерим шагнула на подножку подошедшего троллейбуса, двери закрылись, и машина уехала наверх по проспекту.

Через неделю Айгерим прислала ещё одну ссылку. После показа они допили сбитень у чугунной ограды. Она протянула руку к загнувшемуся воротнику Корнева; он сделал шаг в сторону и поднял воротник сам.

Спустя время Айгерим предложила выставку архивной фотографии. У дверцы такси она поцеловала Корнева в щёку и села в салон. Дома на отвороте его куртки остался сухой запах её духов.

В следующий раз Айгерим написала днём: Сегодня не получится. Извини. Корнев ответил: Принято. Он дождался отметки о прочтении, заблокировал телефон и придвинул к себе учётный журнал.

На следующий день Айгерим подошла к окну выдачи. Она положила скреплённые акты на край сукна и посмотрела на Корнева.

— Я не хочу каждый раз выяснять, хочешь ли ты меня видеть, — сказала она. — Если хочешь — в следующий раз сам назначь день и место. Сейчас не объясняй.

Она развернулась и ушла по коридору.

Снег на газонах вдоль проспекта посвежел, потом подта-

ял до плотных серых настов и снова затянулся февральской коркой. В чате шли только рабочие рассылки и служебные уведомления о передвижении карточек.

В среду Корнев нашёл в закрытом хранилище справочное издание по исторической географии, о котором Айгерим спрашивала месяц назад. Он отснял нужные страницы, собрал файл и создал новое письмо. В текстовом поле он набрал:

Материал подготовлен в полном объёме.

Корнев нажал клавишу ввода и напечатал:

Ты мне важна. Я не умею продолжать разговор вне рабочей задачи.

Он прикрепил файл к сообщению и нажал кнопку отправки. Айгерим ответила:

Здесь нет времени и места.

Утром следующего дня он принёс в её отдел сам печатный том. Айгерим за рабочим столом не было. Корнев положил книгу на чистый лист подставки рядом с монитором, выровнял переплёт по краю столешницы и ушёл к себе.

В пятницу Корнев увидел в городской газете заметку о показе хроникального фильма в малом зале. Он сложил газету вчетверо, взял с края стола папку с проверенными карточками и прошёл по коридору к кабинету Айгерим.

Айгерим сидела за столом и вносила данные в электронный каталог. Корнев остановился у окна выдачи.

— В малом зале показывают «Город моей весны», — ска-

зал он. — В девятнадцать тридцать у касс.

Айгерим подняла глаза от экрана.

— Нет. Я уже не хочу.

Она удерживала взгляд на его лице дольше обычной паузы, затем перевела глаза на открытую страницу журнала.

Корнев положил папку в окно выдачи.

— По третьему разделу акта нужны уточнения, — сказал он.

Айгерим подхватила папку, раскрыла её на первой странице и вписала цифру в верхнюю графу. На грифеле карандаша откололся край; она смахнула серую крошку с бумаги, зачеркнула неверный шифр и поставила поверх правильный знак.

— Оставишь на столе, — сказала она, не поднимая глаз от экрана. — Я сверю до четырёх часов и принесу образец.

Она нажала клавишу, и цвет очередной строки на экране переключился с серого на зелёный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.